

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы постсоветского пространства

Научный журнал

Т. 12, № 2
2025

Post-Soviet Issues

Scientific journal

Vol. 12, № 2
2025

Проблемы
постсоветского
пространства

Научный журнал

Т. 12, № 2
2025

Post-Soviet Issues

Scientific journal

Vol. 12, № 2
2025

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплексных теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Научный журнал «Проблемы постсоветского пространства» входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 18 июля 2019 г.) по следующим специальностям:

- 5.5.2 — Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.4 — Международные отношения, глобальные и региональные исследования
- 5.2.5. — Мировая экономика (экономические науки)
- 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д. п. н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- **Владимир Иванович Аникин**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
- **Евгений Петрович Бажанов**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Анджей Вержбицки**, д. п. н., Варшавский университет, Варшава, Польша
- **Светлана Михайловна Гаврилова**, к. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Майкл Глянц**, Университет Колорадо, США
- **Олег Евгеньевич Гришин**, к. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Лукаш Донай**, д. п. н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша
- **Игорь Сергеевич Зонн**, д. геогр. н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации, водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия
- **Андрей Вячеславович Ишин**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Леонид Александрович Карабешкин**, к. п. н., Евро-академия, Таллин, Эстония
- **Балташ Нурмухамбетович Карипов**, д. п. н., Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан
- **Олег Геннадьевич Карпович**, д. п. н., д. ю. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Геннадий Владимирович Косов**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Андрей Геннадьевич Костяной**, д. ф.-м. н., Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Москва, Россия
- **Елена Михайловна Кузьмина**, к. п. н., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия
- **Рустам Мамедов**, д. ю. н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан

- **Алексей Михайлович Мастепанов**, д. э. н., Институт проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия
- **Николай Павлович Медведев**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Марк Афроимович Неймарк**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Ольга Алексеевна Нестерчук**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Юлий Анатольевич Нисневич**, д. п. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Панин**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Лидия Александровна Пархомчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Александр Вячеславович Семенов**, д. э. н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Пётр Иванович Толмачёв**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Сергей Борисович Филимонов**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д. ф. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к. и. н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Александр Андреевич Шириняц**, д. п. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Нарцисс Шукуралиева**, д. п. н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Андрей Юрьевич Шутов**, д. и. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Владимир Владимирович Штоль**, д. п. н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия
- **Валерий Теодорович Юнглод**, д. э. н., Вятский государственный университет, Киров, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2014 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57418 от 27 марта 2014 г. — печатное издание)
ISSN	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель:	Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»
Адрес издателя и редакции:	127576, Москва, ул. Абрамцевская, д. 8А
Типография:	ООО «Издательство "Триада"»: пр-т Чайковского, 9, оф. 514, Тверь, 170034, Российская Федерация
Тираж:	500 экземпляров
Сайт:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Подписано в печать:	30.06.2025
Стоимость одного выпуска:	свободная цена
Подписной индекс:	в каталогах «Урал-Пресс» — 41291
© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0 бесплатно.	

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

Academic periodic journal «Post-Soviet Issues» is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on July 18, 2019).

- 5.5.2. — Political Institutions, Processes, Technologies (Political sciences)
- 5.5.4. — International Relations, global and regional studies
- 5.2.5. — World Economy (Economic sciences)
- 5.6.7. — History of International Relations and Foreign Policy (Historical sciences).

CHIEF EDITOR

- **Sergey S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia

- **Baltash N. Karipov**, Doctor of Political Science, Kokshetaush University, Kokshetaush, Kazakhstan

EDITORIAL BOARD

- **Vladimir I. Anikin**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Oleg G. Karpovich**, Doctor of Political Science, Doctor of Law, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland

- **Andrei G. Kostyanoy**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia

- **Sergey B. Filimonov**, Doctor of History V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

- **Svetlana M. Gavrilova**, PhD in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA

- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan

- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Nikolai P. Medvedev**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Andrei V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Alexey M. Mastepanov**, Doctor of Economic Science, The Institute of Oil and Gas problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Aleksandr V. Semenov**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Alexander A. Shirinyants**, Doctor of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Andrey Y. Shutov**, Doctor of History, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Vladimir V. Shtol**, Doctor of Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
- **Peter I. Tolmachev**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine
- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland
- **Valery T. Yungblud**, Doctor of Economic Science, Vyatka State University, Kirov, Russia
- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology "Soyuzvodproekt", Moscow, Russia

ISSN:	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Publication Frequency:	Quarterly
Founder:	Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis "The Centre of regional research"
Publisher's address:	Moscow, 127576, Abramzevskaja str. 8A
Printing house:	Publishing House Triada, Ltd. Address: 9, office 514, Tchaikovsky ave., Tver, 170034, Russian Federation
Number of Copies:	500
Web-site:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Signed for printing:	30.06.2025
Price for a copy:	open price
Index for subscription:	In catalogues of Ural press: 41291
© "Post-Soviet Issues". All materials are distributed under CC BY 4.0 free of charge.	

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

- Особенности стратегического курса США в отношении России в условиях конфронтации: системное сдерживание в ракурсе русофобских проявлений.....90**
Петр И. Пашковский, Евгений В. Крыжко

- Искусственный интеллект и большие данные в цифровых международных отношениях.....102**
Сергей В. Шитьков

- Проект Цифровой взаимосвязанности для Центральной Азии как механизм противостояния ЕС и Китая.....114**
Ольга А. Тимакова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

- Перспективы политической системы Украины в условиях глобальных геополитических трансформаций.....126**
Андрей В. Ишин

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Евразийская интеграция: анализ ключевых документов членов интеграционного объединения.....135**
Сергей С. Жильцов

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

- Сотрудничество в области безопасности между Китаем и Россией в условиях становления полицентричного мирового порядка.....151**
Чжусянь Цзи, Олег Е. Гришин

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

Features of the US Strategic Course towards Russia in the Conditions of Confrontation: Systemic Containment from the Perspective of Russophobic Manifestations.....	90
<i>Petr I. Pashkovsky, Evgeniy V. Kryzhko</i>	

Artificial Intelligence and Big Data in Digital International Relations.....	102
<i>Sergey V. Shitkov</i>	

Digital Connectivity project for Central Asia as a mechanism of confrontation between the EU and China.....	114
<i>Olga A. Timakova</i>	

POLITICS

Prospects for the Political System of Ukraine in the Context of Global Geopolitical Transformations.....	126
<i>Andrey V. Ishin</i>	

ECONOMY

Eurasian integration: analysis of the key documents adopted by the EAEU member states.....	135
<i>Sergey S. Zhiltsov</i>	

HISTORY AND RELIGION

Security Cooperation between China and Russia in the Context of the Emerging Polycentric World Order.....	151
<i>Zhuyan Ji, Oleg E. Grishin</i>	

Особенности стратегического курса США в отношении России в условиях конфронтации: системное сдерживание в ракурсе русофобских проявлений

Петр И. Пашковский, Евгений В. Крыжко

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия,

petr.pash@yandex.ru, jeyson1030@gmail.com

Аннотация: в статье рассматриваются особенности стратегического курса США в отношении России в условиях обострения отношений. Актуальность исследования обусловлена масштабными проявлениями русофобских тенденций, ставших производными реализации американской геостратегии, обусловив вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации. Цель статьи – охарактеризовать основные тенденции русофобских проявлений в стратегических подходах Соединённых Штатов в годы первого президентского срока Д. Трампа и президентства Дж. Байдена. В качестве источников исследования были использованы: Стратегия национальной безопасности США 2017 г.; Стратегия национальной безопасности США 2022 г., Стратегия национальной обороны США 2022 г.; официальные заявления Государственного департамента Соединённых Штатов; данные средств массовой информации. В процессе исследования была обозначена проблема наличия русофобских установок в современных геостратегических подходах Вашингтона на доктринальном и практическом уровнях. Методология исследования базируется на синтезе геополитического и системного подходов в контексте парадигмы неореализма, что предопределило применение метода анализа документов, дискурс-анализа и контент-анализа. В результате исследования было обосновано, что современная гибридная война и вызванные ею масштабные проявления русофобии представляются следствием спланированных действий ведомого Соединёнными Штатами коллективного Запада, являясь инструментом геополитического сдерживания России, а в дальнейшем – её ослабления и разрушения. Обозначены примеры русофобской риторики в базовых документах, определяющих подходы в области внешней политики и национальной безопасности США. Охарактеризованы основные вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации, ставшие производными русофобского курса коллективного Запада.

Ключевые слова: западная русофобия, геостратегия, США, Россия, геополитическое соперничество, гибридная война

Для цитирования: Пашковский П.И., Крыжко Е.В. Особенности стратегического курса США в отношении России в условиях конфронтации: системное сдерживание в ракурсе русофобских проявлений. *Проблемы постсоветского пространства.* 2025;12(2):90–101
DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-2-90-101>

Поступила 27.03.2025

Принята в печать 24.04.2025

Опубликована 30.06.2025

Features of the US Strategic Course towards Russia in the Conditions of Confrontation: Systemic Containment from the Perspective of Russophobic Manifestations

Petr I. Pashkovsky, Evgeniy V. Kryzhko

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia,

petr.pash@yandex.ru, jeyson1030@gmail.com

Abstract: The article considers the features of the US strategic course towards Russia in the context of aggravated relations. The relevance of the study is due to the large-scale manifestations of Russophobic tendencies that have become derivatives of the implementation of the American geostrategy, causing challenges and threats to the national security of the Russian Federation. The purpose of the article is to characterize the main trends of Russophobic manifestations in the strategic approaches of the United States during the first presidential term of D. Trump and the presidency of J. Biden. The following research sources have been used: the US National Security Strategy 2017; the US National Security Strategy 2022, the US National Defense Strategy 2022; official statements of the United States Department of State; media data. In the course of the research, the problem of the presence of Russophobic attitudes in Washington's modern geostrategic approaches at the doctrinal and practical levels has been identified. The research methodology is based on the synthesis of geopolitical and systemic approaches in the context of the paradigm of neorealism, which predetermined the use of digital technologies for document analysis, discourse analysis and content analysis. As a result of the study, it was proved that the modern hybrid war and the large-scale manifestations of Russophobia caused by it appear to be the result of the planned actions of the collective West led by the United States, being an instrument of geopolitical deterrence of Russia, and in the future – its weakening and destruction. Examples of Russophobic rhetoric in the basic documents defining approaches in the field of foreign policy and national security of the United States have been outlined. The main challenges and threats to the national security of the Russian Federation, which have become derivatives of the Russophobic course of the collective West, have been described.

Keywords: Western Russophobia, Geostrategy, USA, Russia, Geopolitical Rivalry, Hybrid War

For citation: Pashkovsky P.I., Kryzhko E.V. Features of the US Strategic Course towards Russia in the Conditions of Confrontation: Systemic Containment from the Perspective of Russophobic Manifestations. Post-Soviet Issues. 2025;12(2):90–101. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-2-90-101>

Received 27.03.2025

Revised 24.04.2025

Published 30.06.2025

ВВЕДЕНИЕ

Современные интенсивные изменения в российско-американских отношениях, характеризующиеся попытками начала диалога в контексте урегулирования украинского кризиса и нормализации взаимодействия по широкому спектру вопросов, актуализируют необходимость осмысления предыдущего (или продолжающегося) периода конфронтации. Спецификой этого времени было то, что в обстоятельствах интенсивного формирования полицентричного миропорядка приобретающие всё более изощрённые и опасные формы русофобские тенденции¹ – особенно после начала специальной военной операции на Украине² – являлись источниками не только внешних, но и внутренних вызовов и угроз российской национальной безопасности, на которые необходимо должным образом реагировать. Составляющей данного явления стало т. н. «расчеловечивание» России, «придание ей образа злонамеренного и опасного государства». В результате «Запад делает всё возможное, чтобы ограничить» её «мягкосиловое

воздействие», «отменяя» русскую культуру, спорт, духовно-нравственные ценности [1, с. 565, 587]. Учитывая активное содействие этому США и их союзников, всплеск антироссийских настроений наблюдается в странах Европы, других «либеральных демократиях»³ и некоторых государствах постсоветского пространства⁴.

Проблемы теории и практики русофобских установок в геостратегии США в конце XX – начале XXI века – с разных сторон и в ракурсе отличающихся акцентов – нашли отражение в трудах ряда отечественных [2] и зарубежных [3] исследователей. В этом плане малоизученной представляется проблема, связанная с обобщением и конкретизацией проявлений русофобии в стратегическом курсе Вашингтона последних лет, обуславливая востребованность исследований в русле данного направления. Цель статьи – охарактеризовать основные тенденции русофобских проявлений в стратегических подходах Соединённых Штатов в отношении России в годы первого президентского срока Д. Трампа и президентства

¹ Козн привел примеры русофобии в американских СМИ. 3 марта 2020. URL: https://ria.ru/20180407/1518127408.html?utm_source=button_read_on_ria (дата обращения: 16.03.2025).

² МИД РФ опубликовал примеры русофобской риторики от представителей Запада в 2022–2023 годах. 24 февраля 2023. URL: <https://rg.ru/2023/02/24/mid-rf-opublikoval-primery-rusofofskoj-ritoriki-ot-predstavitelej-zapada-v-2022-2023-godah.html> (дата обращения: 16.03.2025)

³ Wintour P. Negative Views of Russia Mainly Limited to Western Liberal Democracies, Poll Shows. 30 May 2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/30/negative-views-of-russia-mainly-limited-to-western-liberal-democracies-poll-shows> (дата обращения: 16.03.2025).

⁴ Антироссийские настроения в постсоветских странах: кто на чьей стороне. 2 мая 2024. URL: https://baltnews.com/Russia_West/20240502/1026259634/Antirossiyskie-nastroeniya-v-postsovetskikh-stranakh-kto-na-choy-storone.html (дата обращения: 16.03.2025).

Дж. Байдена – периода активизации анти-российских устремлений.

Исследование основывается на следующих материалах: документы, определяющие основные направления и подходы Вашингтона в сфере внешнеполитической стратегии и национальной безопасности; официальные заявления Государственного департамента Соединённых Штатов; данные средств массовой информации.

Методология исследования базируется на синтезе геополитического и системного подходов в ракурсе парадигмы неореализма. Это предопределило использование таких научных методов, как анализ документов, дискурс-анализ и контент-анализ, посредством которых была осуществлена интерпретация использованных материалов и научных публикаций.

Методика исследования обуславливалась применением контент-анализа в процессе изучения текста указанных основополагающих документов в области стратегических подходов Вашингтона. Так, на первом этапе были выделены три основных доктринальных документа рассматриваемого периода: Стратегия национальной безопасности США 2017 г., Стратегия национальной безопасности США 2022 г., Стратегия национальной обороны США 2022 г. На втором этапе были определены базовые слова («Russia», «Russia's», «Russian»), характеризующие «дух» документа, его основные идеи, установки, прямые и косвенные значения, имеющие отношение к России и / или производные этого. Третий этап представлял собой подсчёт числа упоминаний обозначенных слов в текстах документов. В рамках четвёртого этапа был осуществлён анализ контекста

выявленных упоминаний, связанных с ними слов и словосочетаний, их коннотации и смысловой нагрузки.

РУСОФОБСКИЕ УСТАНОВКИ В СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ США

Феномен западной русофобии характеризуется долгой историей [4] и множеством примеров в разных сферах и контекстах социальной реальности [5]. В геополитическом смысле русофобия представляется как изначально «враждебное, априори предвзятое, рефлекторно неприязненное, всегда болезненно-подозрительное и уничижительное отношение к России». При этом формируется «исторически собирательный образ врага в лице России», влияющий на ценностные установки и массовое сознание западных стран. Важно отметить, что «современная русофобия многослойна и многолика. Но главный её вектор – геополитический, т. е. по сути она представляет собой антитезу геополитической значимости России» [6, с. 197].

Концептуальные основы современных стратегических подходов Соединённых Штатов были во многом сформулированы в 2009–2010 гг. в рамках команды госсекретаря Х. Клинтон, что отразилось в таких документах, как «Свобода в сети Интернет» и «Государство XXI века». Особенности установок «новой публичной дипломатии» США⁵ сводились к борьбе с «авторитаризмом» в государствах⁶, считающихся конкурентами, методами оказания поддержки их внутренней оппозиции на площадке сетевых ресурсов, способствуя расширению доступа граждан «проблемных» стран к сети Интернет и формируя положительный образ Вашингтона в их массовом сознании [7, с. 224]. Примечательным

⁵ National Framework for Strategic Communication. White House. 2010. URL: https://uscpublicdiplomacy.org/sites/uscpublicdiplomacy.org/files/legacy/pdfs/Final_NSC_Strat%20Comm.pdf (дата обращения: 16.03.2025).

⁶ Update on National framework for Strategic Communication. White House. 2012. URL: <https://mountainrunner.us/wp-content/uploads/2012/03/President-response-to-NDAA-1055-of-2009-3.pdf> (дата обращения: 16.03.2025).

отличием этих подходов является оказание непосредственного влияния на внутрисполитические процессы в других государствах. Характерно, что в Национальной стратегии США в области публичной дипломатии и стратегических коммуникаций 2007 г.⁷ выделяется три группы объектов информационно-психологического воздействия с функциональными рекомендациями дальнейших действий в этом контексте.

Руководствуясь обозначенными концептуальными установками, в первой четверти XXI века в целях вмешательства во внутренние дела других государств и смены в них политических режимов Вашингтон использует следующие технологии: разжигание экономических, социальных и демографических противоречий; подрыв общественного доверия к руководству страны; формирование аудитории, которая будет восприимчивой к оказанию воздействия; поощрение альтернативных точек зрения; распространение способствующих этому материалов [7, с. 226]. В этом плане исследователи справедливо отмечали, что «продвижение США и ЕС неолиберальной экономики и политики, в основе которой должны находиться демократические ценности, не дало своих результатов в отношении ключевого государства – России. Подобная ситуация подтолкнула Запад к более решительным шагам» на российском направлении [8, с. 279].

Проявления русофобии как инструмента системного сдерживания России на глобальном уровне нашли отражения

в доктринальных документах и официальной риторике Вашингтона последних лет. В частности, в Стратегии национальной безопасности США 2017 г.⁸ отмечается, что РФ и КНР «бросают вызов» («challenge») «американской мощи, влиянию и интересам», пытаются «подорвать безопасность и процветание» Соединённых Штатов. Эти государства якобы «полны решимости сделать экономики менее свободными и менее справедливыми, нарастить свои вооруженные силы и контролировать информацию и данные, чтобы подавлять свои общества и расширять своё влияние». Слово «Russia» и / или его производные «Russia's», «Russian» в тексте документа встречаются 25 раз, неизменно употребляясь в негативной коннотации. В этом отношении Россия часто упоминается «в связке» с Китаем как «ревизионистские державы» («revisionist powers»), представляющие первую группу «соперников» («challengers») Вашингтона.

В Стратегии национальной безопасности США 2022 г.⁹ уже открыто декларируются американские намерения «сдерживать Россию» («constraining Russia»), представляющую «непосредственную угрозу» («immediate threat») «свободной и открытой международной системе, безрассудно попирая основные законы международного порядка». Документ насыщен показательной риторикой, акцентирующей, что «жестокая и ничем не спровоцированная война России с соседней Украиной разрушила мир в Европе и повлияла на стабильность во всем мире, а её безрассудные ядерные

⁷ U.S. National Strategy for Public Diplomacy and Strategic Communication. Strategic Communication and Public Diplomacy Policy Coordinating Committee (PCC). June 2007. URL: <https://2001-2009.state.gov/documents/organization/87427.pdf> (дата обращения: 16.03.2025).

⁸ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 16.03.2025).

⁹ National Security Strategy of the United States of America. 12 October 2022. URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (дата обращения: 16.03.2025).

угрозы подвергают опасности глобальный режим нераспространения». Слова «Russia» и / или «Russia's», «Russian» встречаются в тексте документа 71 раз в негативной коннотации и обозначенном контексте. Так, часть III Стратегии называется «Наши глобальные приоритеты» и включает три пункта: «Превосходство над Китаем и сдерживание России» («Out-Competing China and Constraining Russia»), «Китай», «Россия». При этом последний пункт начинается следующими словами, смысл которых красной нитью проходит через весь документ: «За последнее десятилетие российское правительство решило проводить империалистическую внешнюю политику с целью ниспровергнуть ключевые элементы международного порядка. <...> Россия также нагло вмешивалась в политику США и работала над тем, чтобы посеять разногласия среди американского народа. И дестабилизирующие действия России не ограничиваются международной ареной...».

Стратегия национальной обороны США 2022 г.¹⁰ определяет Россию как «острую угрозу» («acute threat»), поэтому Министерство обороны Соединённых Штатов намеревается «продолжать активное сдерживание российской агрессии против жизненно важных интересов» американского государства. Слова «Russia» и / или «Russia's», «Russian» используются в тексте документа 89 раз в указанном контексте и традиционно

негативной коннотации. «Даже несмотря на то, что КНР представляет собой серьёзную проблему для Госдепартамента, – отмечается в оборонной стратегии, – недавние события подчеркивают острую угрозу, исходящую от России. Презируя независимость своих соседей, правительство России стремится использовать силу, чтобы навязать изменения границ и восстановить имперскую сферу влияния. Ее обширный послужной список территориальной агрессии включает эскалацию жестокой, неспровоцированной войны против Украины. Хотя политические и военные действия ее лидеров, направленные на раскол НАТО, привели к драматическим обратным последствиям, цель остается. Россия представляет собой серьезные, сохраняющиеся риски в ключевых областях».

Обозначенные подходы и ставшие привычными русофобские формулировки традиционно прослеживаются в официальных заявлениях американского Госдепартамента периода президентства Дж. Байдена, содержание которых зачастую соответствует их «говорящим» заголовкам: «Соединённые Штаты приветствуют действия Великобритании против известных распространителей кремлевской дезинформации»¹¹; «Санкции против третьих стран, поддерживающих войну России против Украины»¹²; «Совместное заявление относительно ввода войск КНДР в Россию»¹³.

¹⁰ The National Defense Strategy, the Nuclear Posture Review and the Missile Defense Review. 27 October 2022. URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.pdf> (дата обращения: 16.03.2025).

¹¹ United States Welcomes the United Kingdom's Actions Against Known Purveyors of Kremlin Disinformation. 28 October 2024. URL: https://www.publicnow.com/view/1F5227C21ABE5A05F3E7A23F7C0AFD086DB2F3DB21730137609&_cf_chl_rt_tk=UJudCiwjU2Sznllv0lsE6pmeF0iWBCE0I2PzdBklWD4-1742150240-1.0.1-1-YD0RE7rtIqPmB5I_Z7Iidsfq4Z2XnAqNfgnDSXguEmWE (дата обращения: 16.03.2025).

¹² Sanctioning Third-Country Enablers of Russia's War Against Ukraine. 30 October 2024. URL: <https://2021-2025.state.gov/sanctioning-third-country-enablers-of-russias-war-against-ukraine/> (дата обращения: 16.03.2025).

¹³ Joint Statement on the DPRK's Deployment of Troops to Russia. 6 November 2024. URL: <https://ru.usembassy.gov/joint-statement-on-the-dprks-deployment-of-troops-to-russia/#:~:text=We%20condemn%20in%20the%20strongest,of%20these%20missiles%20and%20munitions> (дата обращения: 16.03.2025).

ФАКТОР США В КОНТЕКСТЕ ОСНОВНЫХ АСПЕКТОВ СИСТЕМНОГО СДЕРЖИВАНИЯ И РУСОФОБСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ

Обобщая сказанное, следует отметить, что западная русофобия – являясь следствием реализации геостратегических подходов Вашингтона – как инструмент геополитического сдерживания России на глобальном и региональном уровнях [9] проявляется в следующих аспектах.

1) Научно-философский аспект: оформление носителями русофобских взглядов своих убеждений в теоретико-методологической плоскости с опорой на получение практико-ориентированного знания (американские мыслители Дж. Дьюи и Ч. Пирс), концепцию конвенционализма (американский философ Р. Карнап и французский философ А. Пуанкаре) [10] и идеи англосаксонской геополитики (американский эксперт и идеолог внешней политики США З. Бжезинский и др.) [11].

2) Международно-правовой аспект: политика двойных стандартов [12]. Так, с одной стороны, имеют место многочисленные и безосновательные обвинения России представителями коллективного Запада в якобы актах нарушения международного права, вмешательствах во внутренние дела других государств, агрессии и наличии имперских амбиций [13], а, с другой, – частые примеры игнорирования реальных проявлений этого в действиях Соединённых Штатов и их союзников [14]. При этом в отношении Российской Федерации под указанными предложениями перманентно и по нарастающей вводятся санкции и ограничения [15].

3) Экономический аспект: санкционная политика Запада в целях нанесения ущерба российской экономике [12]; увеличивающееся давление Вашингтона на европейские страны [16] в контексте противодействия строительству и вводу в эксплуатацию

газопроводов из России, преследуя в дальнейшем переориентацию на собственный сжиженный газ и соответствующую ценовую политику; позиция коллективного Запада (в особенности США) в отношении Арктики, приобретающая откровенно антироссийский характер в ракурсе актуализации данного региона как места сосредоточения масштабных месторождений полезных ископаемых и увеличения стратегического (в том числе, в экономической сфере) значения Северного морского пути [13].

4) Военно-стратегический аспект: проявление в официальной риторике, доктринальных основах и практических шагах западных государств русофобских настроений [17]. В частности, в Стратегиях национальной безопасности (2017 и 2022 гг.), а также в Стратегия национальной обороны Соединённых Штатов (2022 г.) РФ, наряду с КНР, была объявлена основным противником Вашингтона, стремящегося консолидировать союзников по НАТО перед лицом мнимого усиления данных угроз. Североатлантический альянс, достигший в результате расширения на Восток западных границ России, устами своего руководства и отдельных членов декларирует откровенно русофобскую риторику [18]. Участились попытки Запада (в основном США) переложить вину за гонку вооружений на Российскую Федерацию [19]. В действительности же нарушение Соединёнными Штатами Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (принятого в 1988 г.), производство и постановка ими на боевое дежурство беспилотников, размещение в Польше, Румынии и Японии ракет МК-Н1 – вызвало ответные меры с российской стороны [10].

5) Культурно-психологический, идеологический и религиозный аспекты: антироссийские императивы и соответствующая риторика коллективного Запада [20]

становятся фундаментом современной международной политики [21], соперничества за умы и сердца с применением когнитивного инструментария [22], информационной войны против России [23]. Это проявляется в демонизации и вытеснении всего русского и прямо или косвенно связанного с Россией, её достижениями и историческими этапами государственного могущества и международно-политического влияния [24]. Речь идёт о феномене «культуры отмены» как производной русофобского курса Запада [25]. Применение данного инструментария предназначено для исключения русской культуры из мирового коммуникационного пространства и организации цивилизационной блокады [26]. К этому относятся и действия международных организаций по изоляции российского спорта. Реализуемая под влиянием коллективного Запада международная политика «культуры отмены» нашла системное воплощение в рамках постсоветского пространства для недопущения успешного развития евразийских интеграционных процессов, фундаментом которых выступает русская культура [27]. Происходит фальсификация истории на уровне системы образования и в рамках научного дискурса в западных и некоторых постсоветских государствах, когда славные и героические страницы общего имперского и советского прошлого переписываются в нейтральном или откровенно русофобском духе [17]. Своеобразным атакам подвергается русский язык, «выдавливаясь» методами государственной политики из сферы образования, культуры, информационного пространства и бытовых отношений [12]. Русофобия осуществляется и под эгидой декоммунизации и десоветизации – борьбы с наследием, достижениями и проявлениями могущества советского многонационального государства со столицей

в Москве, сформировавшегося на основе интегрирующей роли русского этноса – воплотившись в массовом переименовании населённых пунктов, демонтаже памятников, «подмене понятий» и придании забвению позитивных моментов советской эпохи [28]. Тенденцией русофобии можно считать и системное давление Запада на Русскую Православную Церковь в целях ослабления роли России как центра мирового православия, наиболее ярко проявившееся в ситуации на Украине [12]. В глобальном измерении США стремятся разделить и ослабить мировое православие, а в локальном – разрушить исторические и духовные связи православия в Российской Федерации и в государствах, где таковое традиционно имело сильные позиции [2].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, осуществление контент-анализа показало наличие последовательного роста числа упоминаний слов «Russia», «Russia's», «Russian» в документах, определяющих основные направления и подходы Вашингтона в сфере внешнеполитической стратегии и национальной безопасности в рассматриваемый период, употребляясь неизменно в негативной коннотации и преимущественно в русофобском контексте. Это подтвердило выводы исследователей о том, что современная гибридная война и её производные – масштабные проявления русофобии – представляются следствием спланированных действий вedomого Соединёнными Штатами коллективного Запада, являясь инструментом геополитического сдерживания России, а в дальнейшем – её ослабления и разрушения. Подобное соотносится с западными намерениями нивелировать идентичность русских как государствообразующего народа, установив контроль

над российскими пространством и ресурсами, что подразумевает смену в нашей стране политического режима, обусловив её научно-технологическую и финансово-экономическую зависимость, потерю статуса сверхдержавы и одного из лидеров формирующегося миропорядка. В этом проявляются порождаемые политикой Вашингтона основные вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации.

Ставшая следствием реализации указанных подходов русофобия, как инструмент гибридной войны, проявляясь на глобальном и региональном уровнях, воплощается в следующих аспектах: научно-философский аспект (философия прагматизма и конвенционализма, а также идеи англосаксонской геополитики); международно-правовой аспект (политика двойных

стандартов, безосновательные обвинения России и антироссийские санкции); экономический аспект (системные попытки нанесения максимального ущерба российской экономике по ряду направлений); военно-стратегический аспект (акцентирование России как противника на доктринальном уровне и антироссийские шаги – на практическом, учитывая перевооружение, нарушение действующих договоров и военно-стратегическое наступление Запада к российским границам); культурно-психологический, идеологический и религиозный аспекты (антироссийская информационная война, «культура отмены», фальсификация истории, притеснение русского языка, декоммунизация и десоветизация, давление на Русскую Православную Церковь).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Буянов В. С. Внешняя политика России: история и современность. Москва: Международные отношения; 2024. 632 с.
2. Меркурьев В. В., Боброва О. В. Антироссийская риторика Запада: правовые и геополитические оценки. *Обозреватель*. 2023;5:108–125. DOI: https://doi.org/10.48137/2074-2975_2023_5_108
3. Diesen G. Russophobia: Propaganda in International Politics. Singapore: Palgrave Macmillan; 2022. 315 p.
4. Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война. Москва: Паулсен; 2017. 468 с.
5. Кьеа Д. Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада? Москва: Изд-во «Э»; 2016. 288 с.
6. Неймарк М. А. Перед стратегическим выбором: новые императивы мировой политики. // *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(3):184–201. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2017-4-3-184-201>
7. Бедрицкий А. В. Внешние факторы внутренней русофобии. Внутренняя русофобия как главная угроза Российской государственности: Материалы форума: Сборник докладов и статей. Москва: Горячая линия – Телеком; 2022. С. 222–226.
8. Жильцов С. С. Политика России на евразийском пространстве в условиях конфронтации с Западом. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(4):270–283. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-4-270-283>
9. Крыжко Е. В., Пашковский П. И. Особенности внешнеполитического курса США в отношении государств Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2021;8(1):65–81. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-65-81>
10. Стрелецкий Я. И. Русофобия: философско-социологический анализ. Межвузовский

- сборник научных трудов. Краснодар: ВВА-УЛ; 2019. С. 323–328.
11. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. Москва: Международные отношения; 2005. 256 с.
 12. Глазьев С. Ю. Что происходит. Доклад Изборскому клубу. *Свободная мысль*. 2022;5:5–44.
 13. Nitoiu C. The Path to Russia's 2022 Invasion of Ukraine: Moscow's Framing of Conflict and Cooperation with the West under Putin's Rule. *Southeast European and Black Sea Studies*. 2024;1–19. DOI: <https://doi.org/10.1080/014683857.2024.2324559>
 14. Аксючиц В. Против русофобии. Москва: Директ-Медиа; 2024. 212 с.
 15. Баранов Н. А. Ценностные аспекты геополитического конфликта России и Запада. *PolitBook*. 2024;3:180–194. DOI: <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-3-180-194>
 16. Kotkin S. Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern. *Foreign Affairs*. 2016;95(3):2–9.
 17. Ильницкий А. М. Цивилизационные аспекты ментальной войны. *Военный академический журнал*. 2024;1:5–10.
 18. Wahlang J. Russophobia and the West: a Study on Europe Anti-Russian Sentiments. *International Journal of Russian Studies*. 2021;10:115–123.
 19. Treisman D. Why Putin Took Crimea. The Gambler in the Kremlin. *Foreign Affairs*. 2016;95(3):47–54.
 20. Ильин А. Н. Русофобия как идеологический тренд в информационном пространстве Запада. *Свободная мысль*. 2020;1:23–34. EDN: BARFMI
 21. Gutorov V. A., Myrikova A. V., Shirinyants A. A. Russophobia Concept in Modern Political Discourse. *Political Expertise: POLITEX*. 2023;19(2):166–177. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.202>
 22. Крыжко Е. В., Пашковский П. И. Генезис и особенности англосаксонской русофобии: геополитическое измерение. *Региология*. 2023;31(1):30–45. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.030-045>
 23. Неменский О. Б. Русофобия как идеология. *Вопросы национализма*. 2013;13:26–65.
 24. Танышина Н. П. Русофобия: история избречения страха. Москва: Концептуал; 2023. 496 с.
 25. Robinson N. "Russophobia" in Official Russian Political Discourse. *De Europa*. 2019;2(2):61–77. DOI: <https://doi.org/10.13135/2611-853X/3384>
 26. Панарин А. С. Православная цивилизация / Отв. ред. О. А. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации; 2014. 377 с.
 27. Багдасарян В. Э. и др. «Культура отмены»: феномен цивилизационного остракизма. Материалы экспертного круглого стола. *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки*. 2023;4:6–35. DOI: [10.18384/2949-5164-2023-4-6-35](https://doi.org/10.18384/2949-5164-2023-4-6-35)
 28. Boman B. The Coexistence of Nationalism, Westernization, Russification, and Russophobia: Facets of Parallelization in the Russian Invasion of Ukraine. *International Politics*. 2023;60:1315–1331. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41311-023-00495-z>

REFERENCES

1. Buyanov V. S. Russia's Foreign Policy: History and Modernity. Moscow: International Relations; 2024. 632 p. (In Russ.)
2. Merkuriev V. V., Bobrova O. V. Anti-Russian Rhetoric of the West: Legal and Geopolitical Assessments. *Observer*. 2023;5:108–125.

- DOI:https://doi.org/10.48137/20742975_2023_5_108 (In Russ.)
3. Diesen G. Russophobia: Propaganda in International Politics. Singapore: Palgrave Macmillan; 2022. 315 p.
 4. Mettan G. West – Russia: the Thousand-Year War. Moscow: Paulsen; 2017. 468 p. (In Russ.)
 5. Chiesa G. Russophobia 2.0: Disease or Weapon of the West? Moscow: Publishing House «E»; 2016. 288 p. (In Russ.)
 6. Neymark M. A. In the Face of the Strategic Choice: New Imperatives of World Policy. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(3):184-201. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-3-184-201 (In Russ.)
 7. Bedritsky A. V. External Factors of Internal Russophobia. Internal Russophobia as the Main Threat to Russian Statehood: Proceedings of the Forum: Collection of Reports and Articles. Moscow: Goryachaya Liniya – Telecom; 2022. P. 222–226. (In Russ.)
 8. Zhiltsov S.S. Russia's policy in the Eurasian area amid confrontation with the West. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(4):270–283. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2024-11-4-270-283> (In Russ.)
 9. Kryzhko E. V., Pashkovsky P. I. Features of the US Foreign Policy towards the Central Asian States. *Post-Soviet Issues*. 2021;8(1):65–81. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-65-81> (In Russ.)
 10. Streletsky Y.I. Russophobia: Philosophical-sociological Analysis. Interuniversity Collection of Scientific Papers. Krasnodar: VVAUL; 2019. P. 323–328. (In Russ.)
 11. Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. Trans. from Engl. Moscow: International Relations; 2005. 256 p. (In Russ.)
 12. Glazyev S. Yu. What is Happening. Report to the Izborsk Club. *Free Thought*. 2022;5:5–44. (In Russ.)
 13. Nitoiu C. The Path to Russia's 2022 Invasion of Ukraine: Moscow's Framing of Conflict and Cooperation with the West under Putin's Rule. *Southeast European and Black Sea Studies*. 2024;1–19. DOI: <https://doi.org/10.1080/14683857.2024.2324559>
 14. Aksyuchits V. Against Russophobia. Moscow: Direct-Media; 2024. 212 p. (In Russ.)
 15. Baranov N. A. Value Aspects of the Geopolitical Conflict between Russia and the West. *Po-litBook*. 2024;3:180–194. DOI: <https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-3-180-194> (In Russ.)
 16. Kotkin S. Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern. *Foreign Affairs*. 2016;95(3):2–9.
 17. Ilnitsky A. M. Civilizational Aspects of Mental War. *Military Academic Journal*. 2024;1:5–10. (In Russ.)
 18. Wahlang J. Russophobia and the West: a Study on Europe Anti-Russian Sentiments. *International Journal of Russian Studies*. 2021;10: 115–123.
 19. Treisman D. Why Putin Took Crimea. The Gambler in the Kremlin. *Foreign Affairs*. 2016;95(3):47–54.
 20. Ilyin A. N. Russophobia as an Ideological trend in the Information Space of the West. *Free Thought*. 2020;1:23–34. EDN: BARFMI (In Russ.)
 21. Gutorov V. A., Myrikova A. V., Shirinyants A. A. Russophobia Concept in Modern Political Discourse. *Political Expertise: POLITEX*. 2023;19(2):166–177. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.202>
 22. Kryzhko E. V., Pashkovsky P. I. Genesis and Features of Anglo-Saxon Russophobia: Geopolitical Dimension. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(1):30–45. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.030-045> (In Russ.)
 23. Nemensky O. B. Russophobia as an ideology. *Questions of Nationalism*. 2013;13:26–65. (In Russ.)
 24. Tanshina N.P. Russophobia: the History of the Invention of Fear. Moscow: Conceptual; 2023. 496 p. (In Russ.)

25. Robinson N. "Russophobia" in Official Russian Political Discourse. *De Europa*. 2019;2(2):61-77. DOI: <https://doi.org/10.13135/2611-853X/3384>
- Panarin A. S. Orthodox Civilization / Ex. Ed. O. A. Platonov. Moscow: Institute of Russian Civilization; 2014. 377 p. (In Russ.)
26. Baghdasaryan V. E. et al. "Cancel Culture": The Phenomenon of Civilizational Ostracism. Materials of the Expert Round Table. *Bulletin of the State University of Education. Series: History and Political Sciences*. 2023;4:6-35. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-4-6-35
27. Boman B. The Coexistence of Nationalism, Westernization, Russification, and Russophobia: Facets of Parallelization in the Russian Invasion of Ukraine. *International Politics*. 2023;60:1315-1331. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41311-023-00495-z>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Петр И. Пашковский

Доктор политических наук,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия; 295007, Россия, Рес-
публика Крым, Симферополь, проспект
Академика Вернадского, д. 4;
petr.pash@yandex.ru

Petr I. Pashkovsky

Doctor of Political Science,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russia; bld. 4, Academician Ver-
nadsky Prospekt Str., Simferopol, Republic
of Crimea, 295007, Russia;
petr.pash@yandex.ru

Евгений В. Крыжко

Кандидат исторических наук,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия; 295007, Россия, Рес-
публика Крым, Симферополь, проспект
Академика Вернадского, д. 4;
jeyson1030@gmail.com

Evgeniy V. Kryzhko

PhD of Historical Sciences,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russia; bld. 4, Academician Ver-
nadsky Prospekt Str., Simferopol, Republic
of Crimea, 295007, Russia;
jeyson1030@gmail.com

Искусственный интеллект и большие данные в цифровых международных отношениях

Сергей В. Шитьков

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия;

МГИМО МИД России, Москва, Россия,

Lenni70@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу роли искусственного интеллекта (ИИ) и больших данных в контексте цифровых международных отношений. Рассматриваются исторические этапы развития ИИ, ключевые технологические направления, такие как машинное обучение и нейронные сети, а также их влияние на экономику, политику и общество. Особое внимание уделяется стратегическому значению больших данных как основного ресурса для развития ИИ, их роли в формировании цифрового суверенитета и глобальной технологической конкуренции.

Автор исследует современные вызовы, связанные с этическими и правовыми аспектами применения ИИ, включая вопросы регулирования, безопасности и международного сотрудничества. Анализируются национальные стратегии ведущих стран (США, Китай, ЕС, Россия) в области ИИ, их подходы к обеспечению технологического лидерства и защиты данных. Подчеркивается необходимость выработки универсальных международных норм для предотвращения фрагментации цифрового пространства и обеспечения равноправного доступа к технологиям.

Статья акцентирует внимание на трансформации международных отношений под влиянием ИИ, где технологическая гонка становится новой «Большой игрой» XXI века. В заключении предлагаются рекомендации по формированию сбалансированной системы глобального управления ИИ, основанной на принципах многосторонности, справедливости и учета интересов всех государств.

Ключевые слова: цифровые международные отношения, цифровой суверенитет, искусственный интеллект, анализ данных, большие данные

Для цитирования: Шитьков С.В. Искусственный интеллект и большие данные в цифровых международных отношениях. *Проблемы постсоветского пространства*. 2025;12(2):102-113. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-2-102-113>

Поступила 02.03.2025

Принята в печать 18.05.2025

Опубликована 30.06.2025

Artificial Intelligence and Big Data in Digital International Relations

Sergey V. Shitkov

Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia;

MGIMO of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia,

Lenni70@mail.ru

Abstract: The article examines the role of artificial intelligence (AI) and big data in the context of digital international relations. It explores the historical stages of AI development, key technological directions such as machine learning and neural networks, and their impact on the economy, politics, and society. Special attention is paid to the strategic importance of big data as a critical resource for AI advancement, its role in shaping digital sovereignty, and global technological competition. The author investigates contemporary challenges related to the ethical and legal aspects of AI, including regulation, security, and international cooperation. The national strategies of leading countries (USA, China, EU, Russia) in the field of AI are analyzed, focusing on their approaches to ensuring technological leadership and data protection. The article emphasizes the need for universal international norms to prevent the fragmentation of the digital landscape and guarantee equitable access to technologies. The study highlights the transformation of international relations under the influence of AI, where the technological race has become the new “Great Game” of the 21st century. In conclusion, recommendations are provided for establishing a balanced global AI governance system based on multilateralism, fairness, and the consideration of all nations’ interests.

Keywords: digital international relations, digital sovereignty, artificial intelligence, data analysis, big data

For citation: Shitkov S.V. Artificial Intelligence and Big Data in Digital International Relations. *Post-SovietIssues*. 2025;12(2):102–113. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-2-102-113>

Received 02.03.2025

Revised 18.05.2025

Published 30.06.2025

ВВЕДЕНИЕ

Развитие науки и технологий оказывает определяющее воздействие на процессы трансформации современного международного порядка. Предшествующие современному этапу технологического развития индустриальные революции, получившие в научной литературе характеристику «традиционных революций», проявляли своё

влияние преимущественно в повышении производительности труда и перераспределении экономического потенциала между государствами и регионами. Однако новейший этап научно-технического прогресса, связанный с развитием таких технологий, как искусственный интеллект (ИИ), трёхмерная печать, квантовые вычисления и др.,

существенно изменяет не только экономические процессы, но и затрагивает все сферы общественной жизни и государственного управления, трансформируя также антропологическое измерение и способы понимания природы интеллекта. Влияние современных технологий выходит далеко за пределы производственной сферы, способствуя глубоким системным преобразованиям в социальной, политической и культурной сферах.

Развитие новых технологий, в том числе искусственного интеллекта, становится важным фактором, определяющим распределение сил и возможностей влияния в международной политике. Концепция ИИ была сформулирована более шестидесяти лет назад, однако отдельные достижения в области машинного интеллекта получили широкую известность только благодаря таким символическим событиям, как победа суперкомпьютера Deep Blue над чемпионом мира по шахматам Гарри Каспаровым или успех программы AlphaGo в партии против Ли Седоля, одного из сильнейших игроков в го. Вместе с тем широкое внедрение и локализация ИИ-технологий происходят относительно медленно. Лишь с конца 2022 года, с момента появления ChatGPT, в экспертном сообществе и публичной сфере стало распространяться представление о вступлении в новый этап развития так называемого сильного ИИ, что вызвало заметный рост интереса к данным технологиям и стимулировало очередной виток технологической революции.

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

На современном этапе основные направления развития технологий искусственного интеллекта на современном этапе включают в себя следующие аспекты.

1. Глубокое обучение и нейронные сети: Глубокое обучение стало основой для многих современных ИИ-систем. Нейронные сети позволяют ИИ обучаться на больших объемах данных и решать сложные задачи, такие как распознавание образов и обработка естественного языка.

2. Большие языковые модели: ИИ значительно продвинулся в области обработки и генерации текста. Системы программирования языка могут понимать и генерировать текст на естественных языках, что нашло применение в чатах, переводах, автоматическом анализе текстов и многих других областях.

3. Распознавание образов: Системы ИИ способны распознавать образы и объекты в фотографиях и видео, что нашло применение в автономных автомобилях, системах безопасности и медицинской диагностике.

4. Робототехника: ИИ стимулирует развитие робототехники, включая автономных роботов, способных выполнять разнообразные задачи, от сортировки товаров на складах до хирургических операций [1].

Таким образом, искусственный интеллект рассматривается как ключевая сквозная технология, определяющая облик современности и как основная движущая сила четвертой научно-технической революции, оказывающей долговременное влияние на экономическое развитие, социальную динамику и траектории эволюции человеческой цивилизации в целом. В научной и экспертной среде широко признается, что искусственный интеллект перестаёт быть исключительно технологическим феноменом, превращаясь в структурообразующий фактор, трансформирующий глобальную динамику власти, экономические модели и стратегические расчёты государств. Человечество

оказывается перед вызовами новой эпохи, характеризующейся ускоренной секьюритизацией технологий ИИ, что приводит к возникновению новых форм как международного сотрудничества, так и глобальной технологической конкуренции. Особую обеспокоенность вызывает транснациональный характер ИИ, основанный на безграничном потоке данных и взаимозависимости технологических экосистем, что создаёт беспрецедентный вызов для существующих международных норм и правовых режимов, вызывая процессы их адаптации и трансформации в условиях формирования новых норм глобального взаимодействия.

За свою историю технологии ИИ пережили несколько «зим», когда их считали недостаточно эффективными, и подъемов, когда инвестиции в отрасль возрастали. В частности, первые нейросети появились еще 1960-е гг., однако возложенные на них ожидания не оправдались. Это ознаменовало начало первой «зимы» в развитии искусственного интеллекта. Очередной виток роста внимания и инвестиций в технологии приходится на 1990-е гг. Широко известен пример DeepBlue, программы, которая смогла выиграть партию в шахматы у Каспарова в 1997 году. DeepBlue преобрел миллионы возможных комбинаций за несколько секунд [2]. Современный прорыв в области технологий искусственного интеллекта связан с возможностью программ обучаться самостоятельно, не следуя заранее установленным правилам. Такая цель ставилась с самого начала информатики, однако добиться удовлетворительных результатов не удавалось. Считается, что очередным прорывом в развитии ИИ стала победа ИИ в 2016 году в игре го у корейского профессионала Ли Сеголя [2]. Современный этап развития ИИ, основанных на нейросетевых

моделях, связан с тремя факторами: развитие технологий машинного обучения, основанных на анализе Больших данных; увеличение программного и аппаратного потенциала компьютерных технологий, в том числе развитие суперкомпьютеров; развитие технологий моделирования «нейронных сетей» - определенного способа конструирования информационных связей, при котором точки обработки данных в значительной степени независимы друг от друга, по аналогии с нейронами человеческого мозга [3].

Таким образом, важнейшими элементами развития современных технологий искусственного интеллекта являются технологии машинного обучения и нейронных сетей. Остановимся подробнее на характеристиках каждой из них.

Машинное обучение фокусируется на разработке алгоритмов, позволяющих системам обучаться на основе данных. Основные методы машинного обучения включают: обучение с учителем (под контролем программиста), обучение с подкреплением (алгоритмы обучаются на размеченных данных и способны делать предсказания или классифицировать новые данные на основе обученной модели), обучение без подкрепления (алгоритмы выявляют скрытые структуры в неразмеченных данных, такие как кластеры или ассоциации). Что же касается глубокого обучения, то речь идет о применении нейронных сетей для реализации трех упомянутых ранее техник [1].

Нейронные сети, вдохновленные биологическими нейронными системами, являются основой многих современных ИИ-систем. Глубокие нейронные сети с множеством слоев используются для решения сложных задач, таких как обработка изображений, распознавание речи и генерация текста [4]. Ключевым ресурсом,

который необходим для развития технологий ИИ, являются Большие данные.

ИИ КАК ОБЛАСТЬ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ В ЦИФРОВЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В 2022–2023 годах в мире произошло стремительное развитие нейросетевых моделей искусственного интеллекта, основанных на больших языковых генеративных моделях. По принципу больших языковых моделей устроены практически все популярные генеративные нейросети [5]. Лидерами в данной области являются США и КНР¹. Наиболее известные большие модели от производителей США: GPT-4 от OpenAI; BERT от Google; Gato от DeepMind; и ряд других. В Китае насчитывается более 130 крупных языковых моделей. В России разрабатывается большое количество больших языковых моделей под различные задачи, в частности GigaChat от Сбера и YandexGPT.

Искусственный интеллект трансформирует различные сферы человеческой деятельности, от медицины и транспорта до финансов и образования. Успешное внедрение ИИ требует решения множества технических, этических и социальных вызовов, чтобы обеспечить безопасное и справедливое использование этой технологии. Общемировой тренд – создание так называемого доверенного искусственного интеллекта [6]. Доверенный ИИ отвечает требованиям прозрачности, подотчетности, объяснимости и воспроизводимости

результатов работы ИИ. В России также большое внимание уделяется развитию доверенного ИИ, в частности, в Институте системного программирования РАН создан Центр технологий доверенного искусственного интеллекта².

В 2024 году Президент России Владимир Путин подписал указ о поправках к Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года³. Наша страна остается региональным лидером в области языковых моделей. По оценкам Яндекс, свои языковые модели развивают всего 7 стран, и Россия в их числе. Вместе с тем на 2023 год всего 3% открытых данных для обучения языковых моделей были на русском языке (для сравнения на английский язык приходится 57%, на китайский – 6%)⁴.

Многие эксперты отмечают, что развитие ИИ вызовет колоссальные изменения в структуре занятости. Уходят в прошлое профессии, связанные с монотонными повторяющимися операциями, где мышление можно заменить вычислениями, они переходят к ИИ. При этом появляется множество новых рабочих мест, таких как специалисты в областях больших данных, автоматизации, контроля роботов и др. Для сохранения цифрового суверенитета в данной области необходим также научный, кадровый и образовательный суверенитет.

Однако помимо возможностей, сопряженных с развитием технологий искусственного интеллекта, возникают и новые

¹ Что такое YandexGPT 5 // Официальный сайт компании Yandex. URL: <https://ya.ru/ai/gpt-3> (дата обращения: 4.05.2025)

² Исследовательский центр доверенного ИИ // ИСП РАН. URL: <https://www.ispras.ru/ai-center/> (дата обращения: 4.05.2025)

³ Путин утвердил стратегию развития ИИ до 2030 года // XII Международный юридический форум. 2024 г. URL: <https://pravo.ru/news/251592/> (дата обращения: 4.05.2025)

⁴ Стратегия развития искусственного интеллекта в Российской Федерации до 2030 года. Утв. Указом Президента Российской Федерации. 2024. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 4.05.2025)

угрозы безопасности на национальном и международном уровнях, что актуализирует потребность в выработке регуляторной базы в данной области. В период с 2022 по 2023 год количество зарегистрированных инцидентов с ИИ увеличилось примерно на 1278%, что совпало с популяризацией генеративного ИИ⁵.

Стремительное развитие искусственного интеллекта (ИИ) и машинного обучения (МО) трансформирует глобальную политико-экономическую повестку, формируя новую эру технологической конкуренции — цифровой аналог исторической «Большой игры». Ключевые игроки цифровых международных отношений, такие как США, Китай и ЕС, активно инвестируют в исследования ИИ, стремясь обеспечить технологическое лидерство, которое определяет будущее влияние в сферах безопасности, экономики и геополитики.

Основой этой конкуренции становятся данные, вычислительные мощности и алгоритмические инновации. Обладание масштабными датасетами и передовыми МО-моделями позволяет не только оптимизировать промышленные процессы, но и формировать стратегические преимущества в киберпространстве. Однако вместе с возможностями возникают и вызовы: вопросы этики, регулирования и цифрового суверенитета требуют международного сотрудничества для предотвращения фрагментации технологического ландшафта.

Таким образом, современные достижения в ИИ и МО не просто ускоряют цифровую трансформацию, но и переопределяют баланс сил в международных отношениях, делая технологическую гонку ключевым

элементом глобальной конкуренции XXI века. Особую роль в этой гонке играют Большие данные как драйвер современной цифровой экономики.

Передовые технологии развиваются стремительно, и, по прогнозам, объем рынка вырастет в шесть раз к 2033 году до 16,4 триллиона долларов. Всего 100 компаний обеспечивают более 40 процентов всех мировых инвестиций в НИОКР⁶. Китай и Соединенные Штаты Америки доминируют в генерации знаний в области передовых технологических отраслях, прежде всего, ИИ. На долю Китая и США приходится около трети рецензируемых статей и две трети патентов в сфере ИИ.

Аналогичным образом, существует значительный разрыв между развитыми и развивающимися странами в области ИИ. Это может усилить существующее неравенство и помешать усилиям развивающихся стран по достижению прогресса. Помимо новых возможностей, развитие ИИ также сопряжено с различными рисками и этическими проблемами.

БОЛЬШИЕ ДАННЫЕ КАК ДРАЙВЕР ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Большие данные (Big Data) представляют собой совокупность технологий и методов, направленных на сбор, хранение, обработку и анализ массивных, разнообразных и быстро изменяющихся наборов данных. Именно доступ к большим данным определяет потенциал и возможности развития технологий искусственного интеллекта на уровне государства и бизнеса.

Основные характеристики больших данных: объем (Volume): Большие данные

⁵ Artificial intelligence // OECD AI Policy Observatory. URL: <https://www.oecd.org/en/topics/policy-issues/artificial-intelligence.html> (дата обращения: 4.05.2025)

⁶ UNCTAD 2025 Technology and Innovation Report: Inclusive Artificial Intelligence for Development. UN, Geneva, 2025. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tir2025_en.pdf (дата обращения: 4.05.2025)

характеризуются огромным объемом информации; скорость (Velocity): Скорость, с которой данные генерируются и поступают; разнообразие (Variety): Данные могут быть представлены в различных форматах; правдивость (Veracity): Достоверность и качество данных являются важными аспектами [8], а также ценность (Value): Одной из основных задач работы с большими данными является извлечение полезной информации и знаний [1].

В 2017 году авторы британского журнала Экономист метафорично отметили, что «данные – это новая нефть», которая определяет лицо современного цифрового общества [7]. Данная фраза впоследствии стала расхожей, и широко использовалась в публицистических и академических трудах. Аргумент, выдвигаемый здесь, заключается в том, что цифровые данные вытеснили ископаемое топливо в качестве ключевого материала, определяющего современную социально-экономическую организацию. Утверждается, что Четвертая промышленная революция, основанная на возможностях Больших данных, имеет такое же историческое и социальное значение, как и промышленные революции XIX и XX веков [8].

Анализ данных становится важным фактором цифровой экономики. Машинное обучение с опорой на большие данные трансформирует ключевое ее направление – финтех. В финансовом секторе анализ больших данных помогает в управлении рисками, обнаружении мошенничества, оптимизации инвестиционных стратегий и повышении качества клиентского обслуживания. В научных

исследованиях большие данные применяются для обработки и анализа результатов экспериментов, моделирования сложных систем и прогнозирования климатических изменений. Большие данные играют важную роль в управлении городскими инфраструктурами, оптимизации трафика, мониторинге окружающей среды и повышении качества жизни граждан.

В научной литературе современное значение данных для мировой экономики осмысливается в категориях неокOLONиальной теории. Согласно данному подходу, в то время как промышленный капитализм эксплуатировал и получал прибыль от завоевания новых территорий, ресурсов и рабочей силы в колониях, сегодня информационный колониализм продолжается путем приобретения нового типа общего ресурса: данных, и предназначенных для прогнозирования и воздействия на поведение людей в маркетинговых и политических целях⁷. Цифровой неокOLONиализм рассматривается новый способ контроля со стороны цифровых гигантов, опирающихся на анализ данных планетарного масштаба, алгоритмы машинного обучения [8].

Международные организации и исследовательские институты используют анализ больших данных для мониторинга и прогнозирования конфликтов. Это включает анализ новостных источников, социальных медиа и данных о перемещении населения. Управление ООН по поддержке миростроительства поручило команде SIPA Capstone определить ключевые проблемы в области миростроительства, где технологии «больших данных» могут оказать наибольшее влияние.

⁷ UNCTAD Digital Economy Report 2021 UNCTAD, 2021. URL: <https://unctad.org/page/digital-economy-report-2021> (дата обращения: 4.05.2025)

Команда определила три движущие силы конфликта: миграция населения, разжигание ненависти, исключение и восприятие исключения.

При помощи анализа больших данных предлагается усилить работу ООН по миростроительству и раннему предотвращению конфликтов. Среди таких направлений работы - анализ социальных сетей для выявления «лексики разжигания ненависти» в сообществах, находящихся в группе риска, надежные системы для прогнозирования рисков и измерения сотового трафика для выявления групп населения, находящихся в движении ⁸.

Современные технологии искусственного интеллекта в значительной степени зависят от доступности и качества больших данных. Большие данные служат основой для обучения машинных моделей, обеспечивая необходимый объем информации для выявления сложных закономерностей и повышения точности прогнозирования. Благодаря развитию методов сбора, хранения и обработки данных, такие направления, как глубокое обучение и нейронные сети, демонстрируют значительный прогресс.

Академические исследования подчеркивают, что разнообразие, скорость генерации и объем данных напрямую влияют на эффективность алгоритмов ИИ. Таким образом, большие данные становятся не только технологическим ресурсом, но и стратегическим фактором, определяющим дальнейшее развитие интеллектуальных систем.

Однако, помимо новых возможностей, развитие данных ставит перед международным сообществом целый ряд вызовов,

которые нуждаются в согласованных ответах на уровне государств, бизнеса, международного сообщества в его региональном, макрорегиональном и глобальном измерениях.

МЕЖДУНАРОДНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В ОБЛАСТИ ИИ

На современном этапе отсутствуют международные стандарты и нормы, которые обеспечат защиту персональных данных и соблюдение этических принципов, регулирующих развитие технологий искусственного интеллекта [9]. Сотрудничество развивается не на глобальном, но на региональном уровне. Ярким примером является ЕС. Наиболее значимым документом ЕС на данном направлении является Европейский регламент в области данных, принятый в 2016 году и вступивший в силу в 2018 году⁹. На уровне ЕС важный акцент делается на обеспечении «цифрового суверенитета» на уровне интеграционной структуры (в качестве других терминов используется «стратегическая автономия» и «технологический суверенитет»). Важнейшими предпосылками формирования собственной инфраструктуры анализа и хранения больших данных на уровне ЕС как части политики цифрового суверенитета интеграционного объединения стали, с одной стороны, заинтересованность в обеспечении политики в области защиты персональных данных граждан стран ЕС, а с другой – растущая обеспокоенность со стороны ЕС доминированием зарубежных ИТ компаний и интернет-гигантов на европейских рынках. Наиболее заметным проектом

⁸ Using Big Data to prevent conflict // University of Columbia, School of International and Public Affairs. URL: <https://www.sipa.columbia.edu/using-big-data-prevent-conflict> (дата обращения 04.05.2025)

⁹ Regulation (EU) 2016/679 (General Data Protection Regulation) 27.04.2016. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32016R0679> (дата обращения: 4.05.2025)

в области Больших данных стал GAIA – X – европейская система облачного хранения данных, объединившая компании из Франции, Германии, США и ряда европейских стран. Первоначально инициаторами создания GAIA – X стали Франция и Германия¹⁰. В 2024 году вступил в силу закон ЕС об искусственном интеллекте.

В России также предпринимаются меры по обеспечению суверенитета данных на законодательном уровне. 1 сентября 2015 года вступил в силу Федеральный закон №242-ФЗ, предусматривающий локализацию баз персональных данных в России. Согласно тексту закона хранение и обработка персональных данных граждан РФ должна осуществляться на территории РФ¹¹. Кроме того, с 2006 года действует закон о персональных данных¹². Целью Федерального закона является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну¹³.

Несомненно, существуют различные подходы к управлению ИИ. США, Европа, Россия и Китай имеют свои соображения и предложения в этой области. США и Европа занимают типичную реалистическую и геополитическую позицию, подчеркивая свою абсолютную и исключительную безопасность, стремясь сохранить конкурентные преимущества, что, в свою очередь, увеличивает технологический разрыв между Севером и Югом, усугубляет неравное распределение государственной власти. После разработки

ряда национальных стратегических планов в области ИИ Россия «встала на стратегический путь, направленный на поощрение инноваций при сохранении государственного контроля над их развитием и применением». Такой подход отражает более широкие геополитические амбиции России и ее стремление заявить о себе как о технологической державе». Китай стремится инициировать и действовать в интересах глобального управления ИИ в трех аспектах: инициировать нормы, создавать институты и внедрять практику. Китай действительно стремится к развитию цифровых технологий и кибербезопасности, разрабатывает собственные национальные правила безопасности, этики и технологического развития. Это делается для того, чтобы защитить право Китая на развитие в технологической экосистеме, где доминирует Запад, в частности, технологические санкции со стороны США, направленные на сохранение гегемонии в цифровых международных отношениях. 17 октября 2023 года США ужесточили ограничения на экспорт в Китай чипов, связанных с искусственным интеллектом, и оборудования для производства полупроводников, а также внесли ряд китайских организаций в «список субъектов» экспортного контроля. В отношении России США и страны ЕС также ввели целый ряд технологических санкций, направленных на ограничение развития целой отрасли цифровых технологий. Западные страны также стремятся установить правила для ИИ, которые в основном

¹⁰ <https://gaia-x.eu> выходные данные (дата обращения: 4.05.2025)

¹¹ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» от 29.07.2017 N 242-ФЗ (последняя редакция) эл. адрес документа (дата обращения: 4.05.2025)

¹² Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ (последняя редакция) эл. адрес документа (дата обращения: 4.05.2025)

¹³ Там же.

направлены на защиту их собственных интересов, путем декларирования демократических ценностей, в том числе в рамках Хиросимского процесса по регулированию искусственного интеллекта в рамках Группы семи. Россия в свою очередь поддерживает подход к управлению данными технологиями, основанный на уважении государственного суверенитета. Международное сообщество идет по пути выработки этических принципов регулирования ИИ. 26 октября в России был открыт для подписания национальный Кодекс этики в сфере ИИ¹⁴.

Таким образом, подход Китая и России отличается от западного. Это скорее гибридная модель, сочетающая национальное регулирование с международным сотрудничеством. На сегодняшний день остро стоит вопрос о выработке универсальных международных норм в области искусственного интеллекта, основанных на равноправии (суверенном равенстве государств) и учёте интересов всех сторон [10]. Согласно позиции России и КНР, цель международного сотрудничества в области ИИ - повысить благосостояние людей и способствовать экономическому и социальному развитию, а также предотвратить злоупотребление или неправомерное использование технологий ИИ. Для достижения данной цели могут быть сформулированы следующие рекомендации:

Во-первых, придерживаться комплексного и сбалансированного подхода. Управление ИИ касается этики, безопасности, стандартов и норм, наращивания потенциала, а также механизмов и институтов. Необходимо применять целостный, комплексный и сбалансированный подход.

Во-вторых, поддержка справедливого и всеобщего подхода. ИИ – это общее достояние человечества. Важно поддерживать открытость, связь и равенство, а не возводить стены, разделять или дискриминировать. Мы должны вместе работать над созданием открытой, инклюзивной и недискриминационной среды для развития ИИ и позволить преимуществам ИИ охватить все страны, как бедные, так и богатые. ИИ не должен и не обязан становиться инструментом сохранения гегемонии или поиска несправедливых преимуществ.

В-третьих, поддержка многостороннего подхода. ООН находится в самом центре системы и правил многосторонности. Механизм управления ИИ, в котором участвуют все страны, должен быть создан в рамках ООН, чтобы обеспечить равное участие и распределение выгод между всеми странами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие искусственного интеллекта и больших данных кардинально меняет современные международные отношения, создавая новые возможности и вызовы. Технологическая гонка между ведущими державами превращается в ключевой фактор глобальной конкуренции, где обладание данными и алгоритмами определяет стратегическое преимущество. Однако для устойчивого развития необходимо преодолеть фрагментацию регулирования и обеспечить справедливое распределение технологических benefits.

Важнейшей задачей становится формирование международных норм, основанных на принципах многосторонности, уважения суверенитета и этических

¹⁴ Незнамов А. Этика ИИ в авангарде мировой повестки // РСМД. 29.01.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/etika-ii-v-avangarde-mirovoy-povestki/> (дата обращения 04.05.2025)

стандартов. Только так человечество сможет направить потенциал ИИ на решение глобальных проблем, избегая рисков цифрового неравенства и конфликтов.

Будущее цифровых международных отношений зависит от способности мирового сообщества к сотрудничеству в условиях технологической революции.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Цифра и искусственный интеллект на службе дипломатии: аналитический доклад / Под ред. Е.С. Зиновьевой. Москва: МГИМО; 2024. 36 с.
2. Eliseeva D.Y., et al. The evolution of artificial intelligence and the possibility of its application in cyber games. *Amazonia Investiga*. 2020;9(28):123-129.
3. Jiang Y., et al. Quo vadis artificial intelligence? *Discover Artificial Intelligence*. 2022;2(1):4. DOI: <https://doi.org/10.1007/s44163-022-00022-8>
4. LeCun Y., Bengio Y., Hinton G. Deep learning. *Nature*. 2015;521(7553):436-444. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature14539>
5. Wang Y., et al. Exploring new frontiers of deep learning in legal practice: A case study of large language models. *International Journal of Computer Science and Information Technology*. 2023;1(1):131-138.
6. Demchenko Y., De Laat C., Membrey P. Defining architecture components of the Big Data Ecosystem. 2014 International conference on collaboration technologies and systems (CTS). IEEE; 2014. С. 104-112. DOI: <https://doi.org/10.1109/CTS.2014.6867550>
7. Taffel S. Data and oil: Metaphor, materiality and metabolic rifts. *New Media & Society*. 2023;25(5):980-998. DOI: <https://doi.org/10.1177/14614448211017887>
8. Avila Pinto R. Digital sovereignty or digital colonialism. *SUR-Int'l J. on Hum Rts*. 2018;15:15.
9. Bareis J., Katzenbach C. Talking AI into being: The narratives and imaginaries of national AI strategies and their performative politics. *Science, Technology, & Human Values*. 2022;47(5):855-881. DOI: <https://doi.org/10.1177/01622439211030007>
10. Никитенко С.В. Международно-правовое регулирование искусственного интеллекта: анализ текущего состояния и перспективы развития. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*. 2021;1(2):151-163.

REFERENCES

1. Digital Technologies and Artificial Intelligence in the Service of Diplomacy: Analytical Report / Edited by E.S. Zinovieva. Moscow: MGIMO; 2024. DOI: <https://doi.org/10.1007/s44163-022-00022-8>
2. Eliseeva D.Y., et al. The evolution of artificial intelligence and the possibility of its application in cyber games. *Amazonia Investiga*. 2020;9(28):123-129.
3. Jiang Y., et al. Quo vadis artificial intelligence? *Discover Artificial Intelligence*. 2022;2(1):4. DOI: <https://doi.org/10.1007/s44163-022-00022-8>
4. LeCun Y., Bengio Y., Hinton G. Deep learning. *Nature*. 2015;521(7553):436-444. DOI: <https://doi.org/10.1038/nature14539>
5. Wang Y., et al. Exploring new frontiers of deep learning in legal practice: A case study of large language models. *International Journal of Computer Science and Information Technology*. 2023;1(1):131-138.

6. Demchenko Y., De Laat C., Membrey P. Defining architecture components of the Big Data Ecosystem. 2014 International conference on collaboration technologies and systems (CTS). IEEE; 2014. P. 104-112. DOI: <https://doi.org/10.1109/CTS.2014.6867550>
7. Taffel S. Data and oil: Metaphor, materiality and metabolic rifts. *New Media & Society*. 2023;25(5):980-998. DOI: <https://doi.org/10.1177/14614448211017887>
8. Avila Pinto R. Digital sovereignty or digital colonialism. *SUR-Int'l J. on Hum Rts*. 2018;15:15.
9. Bareis J., Katzenbach C. Talking AI into being: The narratives and imaginaries of national AI strategies and their performative politics. *Science, Technology, & Human Values*. 2022;47(5):855-881. DOI: <https://doi.org/10.1177/01622439211030007>
10. Nikitenko S.V. International Legal Regulation of Artificial Intelligence: Analysis of the Current State and Development Prospects. *Bulletin of Volgsky University named after V.N. Tatishchev*. 2021;1(2):151-163.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей В. Шитьков

Кандидат юридических наук,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва, Россия; МГИМО МИД России;
119021, Россия, Москва, ул. Остоженка
53/2, стр. 1; 119454, Москва, проспект Вер-
надского, 76

Lenni70@mail.ru

Sergey V. Shitkov

PhD in Law,
Diplomatic Academy of the Russian Ministry
of Foreign Affairs, Moscow, Russia; MGIMO
of the Russian Ministry of Foreign Affairs;
53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021,
Russia; Vernadsky av., 76, Moscow, 119454,
Russia;

Lenni70@mail.ru

Проект Цифровой взаимосвязанности для Центральной Азии как механизм противостояния ЕС и Китая

Ольга А. Тимакова

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

o.timakova@dipacademy.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу проекта Цифровой взаимосвязанности Европейского союза (ЕС) для Центральной Азии как механизма инициативы «Глобальные ворота» по противодействию влиянию Китая и других геополитических акторов в регионе. Рассматриваются цели и особенности стратегии ЕС, направленной на минимизацию влияния Китая через продвижение собственных цифровых стандартов и европейских ценностей. В работе использован комплексный подход, включающий анализ ключевых документов ЕС, сравнительный анализ проектов ЕС и Китая в Центральной Азии, а также изучение геополитических и экономических факторов, влияющих на реализацию цифровых проектов. Анализ показал, что проект Цифровой взаимосвязанности ЕС в рамках инициативы «Глобальные ворота» ориентирован на развитие цифровых технологий, европейских стандартов и нормативно-правовых реформ в Центральной Азии. Одновременно, предлагаемые проекты должны реализовываться в соответствии с приоритетами европейских ценностей устойчивости, закрепленных в основных документах Союза. Несмотря на заявленные цели инновационности и устойчивости, проекты ЕС сталкиваются с проблемами, связанными с медленной реализацией, ограниченными ресурсами и противоречиями между геополитическими интересами Евросоюза и продвигаемыми ценностями. В то же время китайские проекты демонстрируют более высокие темпы реализации и масштаб, что представляет вызов для ЕС. Успех цифрового взаимодействия ЕС со странами Центральной Азии будет зависеть от способности Евросоюза интегрировать региональные особенности, повысить координацию между странами-членами и предложить конкурентоспособные инициативы. Быстрая цифровизация остается актуальной задачей для стран Центральной Азии, стремящихся сократить цифровой разрыв. Однако без учета местных интересов и более прагматичного подхода к реализации проектов ЕС рискует потерять влияние в регионе.

Ключевые слова: Европейский союз, Китай, Глобальные ворота, Один пояс, один путь, Центральная Азия, цифровизация, Россия, стратегические интересы

Для цитирования: Тимакова О.А. Проект Цифровой взаимосвязанности для Центральной Азии как механизм противостояния ЕС и Китая. *Проблемы постсоветского пространства*. 2025;12(2):114–125. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-2-114-125>

Поступила 29.01.2025

Принята в печать 14.02.2025

Опубликована 30.06.2025

Digital Connectivity project for Central Asia as a mechanism of confrontation between the EU and China

Olga A. Timakova

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

o.timakova@dipacademy.ru

Abstract: The article focuses on analyzing the European Union's (EU) Digital Connectivity project for Central Asia as a mechanism of the "Global Gateway" initiative to counterbalance the influence of China and other geopolitical actors in the region. It examines the objectives and specific features of the EU's strategy aimed at minimizing China's influence by promoting its own digital standards and European values. The study employs a comprehensive approach, including an analysis of key EU documents, a comparative analysis of EU and Chinese projects in Central Asia, and an examination of geopolitical and economic factors affecting the implementation of digital projects. The analysis reveals that the EU's digital connectivity project within the "Global Gateway" initiative focuses on the development of digital technologies, European standards, and regulatory reforms in Central Asia. At the same time, the proposed projects are designed to align with the EU's sustainability priorities, as outlined in the Union's key policy documents. Despite the stated goals of innovation and sustainability, EU projects face challenges related to slow implementation, limited resources, and contradictions between geopolitical interests and the values being promoted. Meanwhile, Chinese projects demonstrate faster implementation and larger scale, posing a challenge to the EU. The success of the EU's digital engagement with Central Asia states will depend on its ability to integrate regional specificities, enhance coordination among member states, and offer competitive initiatives. Rapid digitalization remains a pressing task for Central Asian countries seeking to close the digital divide. However, without considering local interests and adopting a more pragmatic approach to project implementation, the EU risks losing influence in the region.

Keywords: European Union, China, Global Gateway, Belt and Road Initiative, Central Asia, digitalization, Russia, strategic interests

For citation: Timakova O.A. Digital Connectivity project for Central Asia as a mechanism of confrontation between the EU and China. *Post-Soviet Issues*. 2025;12(2):114–125. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-2-114-125>

Received 29.01.2025

Revised 14.02.2025

Published 30.06.2025

INTRODUCTION

China is one of the most important economic partners of the European Union. Concurrently in recent years, the EU has increasingly drawn attention to political disagreements with China and has positioned relations between the two sides as one of “competition” and “systemic rivalry”. The EU’s greatest concerns include its technological dependence on China and the decline of its global influence due to China’s Belt and Road Initiative (BRI).

A central element in the EU’s geopolitical strategy to counter China is the new project Global Gateway. Global Gateway is intended to serve as a framework program for implementing a wide range of projects in various regions of the world. The first projects were launched in 2022 in Central Asia – Water, Energy, and Climate and Digital Connectivity.

Overall, it is important to note that since the early 2020s, the EU has regarded Central Asia as an arena of geopolitical competition for resources and decisive political-value influence. Developments in the international arena have placed Central Asia at the intersection of three geopolitical spaces – Russia, China, and the Islamic world – where anti-Western narratives are actively taking shape. Despite the fact that economic interaction with Central Asian countries remains relatively limited – since the region’s states are not among the EU’s top ten trading partners – the EU considers cooperation crucial.

The Digital Central Asia project aims to expand regional countries’ access to secure digital technologies, provide technical assistance, and support reforms aligned with European digital standards and norms. The European Union seeks to become the primary provider

of digital services in Central Asia, surpassing China in this sector – establishing its own technological leadership, defining technological standards, and controlling technology supplies.

CHINA THREAT IN THE EUROPEAN UNION’S DISCOURSE AND INSTITUTIONALIZATION OF “GLOBAL GATEWAY”

The relationships between the European Union and China are developing dynamically; however, both sides adhere to different approaches in international affairs. China’s ambition to become a leader in the development of advanced digital technologies, including 5G networks and artificial intelligence, has intensified discussions about threats to the European Union’s strategic interests.

Several key events have shaped the prevailing narrative of systemic rivalry with China. As early as 2018, an extensive report by the EU member states’ ambassadors in Beijing listed the threats posed to the European Union by China’s global projects. The report also raised concerns that China was seeking to deepen divisions among EU member states¹. Later, in a report by the EU Chamber of Commerce in China, titled “The Upcoming Events: The Battle for Control Over Technical Standardization”², the specifics of China’s standardization policy were examined in greater detail. The report described the establishment of technical standards as a “battle-ground” where states compete for dominance in strategic technologies [1].

Finally, in September 2024, Mario Draghi presented the European Commission with a report titled “The Future of European Competitiveness”, which thoroughly analyzed the technological aspects of the EU’s

¹ Heide D., et al. China First: EU Ambassadors Band Together Against Silk Road. 17.04.2018. URL: <https://www.handelsblatt.com/today/politics/china-first-eu-ambassadors-band-together-against-silk-road/23581860.html?ticket=ST-844320-UIBOv6YS37cNbeHRfwNz-ap1> (accessed: 15.01.2025).

² The Shape of things to come: the race to control technical standardisation. 02.12.2021. URL: <http://www.european-chamber.com.cn/en/publications-standardisation-report> (accessed: 15.01.2025).

development in the context of competition with China. The report highlighted that the EU lags significantly behind the US and China in innovation and technology, particularly in artificial intelligence, semiconductors, and digital services. In global politics, China was accused of using economic coercion against key EU partners – particularly in Central Asia and Africa. Consequently, Draghi's report urged EU countries to develop the Global Gateway program as an alternative to China's BRI³.

According to European Commission President Ursula von der Leyen, "Global Gateway is, above all, a geopolitical project aimed at strengthening the EU's position in the international market"⁴. The initiative aligns with a similar G7 project launched several months earlier. In the communiqué following the Cornwall summit, the participating countries defined their goal as restoring global stability and developing partnerships by gradually shifting their approach to investment in infrastructure projects, including clean and green growth initiatives⁵.

The conceptual foundation of the EU program is the notion of "connectivity". This has become the leitmotif of cooperation between the European Union and Central Asian countries⁶. According to former EU High Representative for Foreign Affairs and Security Policy F. Mogherini, the EU defines connectivity as "the physical and non-physical

infrastructure through which goods, services, ideas, and people can move freely" [2]. At the same time, all proposed initiatives must be "rule-based", ensure rights, and meet the EU's "high standards of social and environmental protection"⁷.

The European Union's projects follow a hierarchical structure and are also integrated into several broader framework initiatives under the umbrella of Team Europe – an EU program aimed at supporting the priorities of partner countries and regions by coordinating the efforts of EU member states, the European Commission, and financial institutions such as the European Investment Bank (EIB) and the European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). Team Europe focuses on sustainable development, digital transformation, the green economy, and other key areas of cooperation between the EU and its partner regions. The initiative was launched in 2020 as part of the EU's global response to the challenges posed by the COVID-19 pandemic and within the framework of the Next Generation EU project.

The Global Gateway projects are closely linked to other strategic EU overtures, including the 2018 EU-Asia Connectivity Strategy, which aims to strengthen interregional cooperation, and the Digital4Development Hub. Within the latter initiative, Central Asia was selected as a pilot subregion for implementing

³ Draghi M. The future of European competitiveness. 09.09.2024. URL: https://commission.europa.eu/topics/strengthening-european-competitiveness/eu-competitiveness-looking-ahead_en (accessed: 15.01.2025).

⁴ Global Gateway: First meeting of the Global Gateway Board. 11.12.2022. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_7656 (accessed: 15.01.2025).

⁵ 2021 G7 Leaders' communiqué: Our shared agenda for global action to build back better. 13.06.2021. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/06/13/2021-g7-leaders-communiqué/> (accessed: 15.01.2025).

⁶ EU-Central Asia Ministerial: Remarks by High Representative/Vice-President Josep Borrell at the joint press conference with Foreign Minister of Uzbekistan Vladimir Norov. 17.11.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-central-asia-ministerial-remarks-high-representativevice-president-josep-borrell-joint-press_en (accessed: 15.01.2025).

⁷ Connecting Europe and Asia – Building Blocks for an EU Strategy – Council Conclusions. 15.10.2018. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/36706/st13097-en18.pdf> (accessed: 15.01.2025).

digital projects under the Asia-Pacific branch of the program.

Since 2021, project funding within the European Union has been carried out through the Global Europe: Neighbourhood, Development, and International Cooperation Instrument⁸. In Central Asia, funding is implemented through three main mechanisms⁹. First – Sectoral budgetary support through which partner countries develop objectives and indicators aligned with their national strategies, for which they are held accountable. The EU collaborates with the relevant ministries, and if the EU is satisfied with the reporting, the funds are transferred to the country's Ministry of Finance. The second is Blending and guarantees – Global Europe funds are combined with private financing, with the European Investment Bank assuming guarantees for investment returns. Third financing mechanism is carried out via Thematic programs – these are not directly tied to any specific region. Currently, Central Asian countries receive support through the Human Rights and Democracy program and the Civil Society Organizations program. These programs operate through grant competitions that bring together non-profit organizations from Europe and Central Asia.

PROBLEMS OF DIGITALIZATION IN CENTRAL ASIAN COUNTRIES AND EU INITIATIVES

The geographical conditions of Central Asia do not allow for the region to be connected to a fiber-optic network, making high-quality broadband Internet extremely expensive [3]. Data on internet access among citizens of Central Asian countries varies¹⁰. According to the UN, nearly half of the population in Central Asia lacks access to digital services, mainly in rural and remote areas¹¹. A study by the World Bank group supports these findings, showing that three out of five Central Asian countries fall below the global average in terms of Internet users¹². Researchers from the region provide more detailed statistics: in Kazakhstan, 73% of the population has Internet access; in Uzbekistan – 50%; in Kyrgyzstan – 43%; and in Tajikistan – 19% [4]. Additionally, data from digital companies indicate that connection speeds in Tajikistan and Turkmenistan are among the lowest in the world¹³.

Despite differences in potential and national conditions, all Central Asian states face similar digitalization challenges. These include the digital divide and high broadband costs, a shortage of experienced IT specialists,

⁸ Global Europe: Neighbourhood, Development and International Cooperation Instrument. URL: https://commission.europa.eu/funding-tenders/find-funding/eu-funding-programmes/global-europe-neighbourhood-development-and-international-cooperation-instrument_en (accessed: 15.01.2025).

⁹ Boonstra J., Smagulov K. European development cooperation with Central Asia: From abstract to concrete. December 2024. URL: https://eucentralasia.eu/wp-content/uploads/2024/12/EUCAM_PB40_EU-Central-Asia-EU-development-cooperation-with-Central-Asia-From-abstract-to-concrete_261124.pdf (accessed: 15.01.2025).

¹⁰ Burunciuc L. How Central Asia can ensure it doesn't miss out on a digital future. 21.06.2021. URL: <https://blogs.worldbank.org/en/europeandcentralasia/how-central-asia-can-ensure-it-doesnt-miss-out-digital-future> (accessed: 15.01.2025).

¹¹ UN E-Government Survey 2020. 10.07.2020. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Reports/UN-E-Government-Survey-2020> (accessed: 15.01.2025).

¹² Burunciuc L. How Central Asia can ensure it doesn't miss out on a digital future. 21.06.2021. URL: <https://blogs.worldbank.org/en/europeandcentralasia/how-central-asia-can-ensure-it-doesnt-miss-out-digital-future> (accessed: 15.01.2025).

¹³ Worldwide broadband speed league 2024. URL: <https://www.cable.co.uk/broadband/speed/worldwide-speed-league/#-speed> (accessed: 15.01.2025).

a generally low level of digital literacy, and public distrust of digital technologies.

The flagship initiative for the digitalization of Central Asia under the Global Gateway is intended to address these issues. It was announced at the EU-Central Asia Connectivity Conference for Sustainable Development in Samarkand in 2022¹⁴. This summit followed the agenda set at two previous events – the International Conference on Connectivity between Central and South Asia in July 2021 and the EU-Central Asia Economic Forum in the same year.

According to the EU-Central Asia declaration, the initiative aims to reduce the digital divide in the region and promote the introduction of inclusive digital services. Alongside investments in infrastructure, the EU will support reforms in digital governance, including in the telecommunications sector, data protection legislation, human rights, and cybersecurity, aiming to bring “high EU standards and best practices to the region in line with EU digital diplomacy”¹⁵.

The European Union has approved funding of 40 million euros for technical assistance in managing digital technologies and infrastructure investments. The document also highlights additional participation from EU member states and international financial institutions.

As part of the project, the EU proposes connecting Central Asian countries to the European satellite data transmission system.

The first ground-based satellite communication stations are expected to be installed in Kazakhstan in 2025¹⁶. These stations will be connected to “green” data centers, planned for Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, and Uzbekistan. These centers will enable the countries to become key hubs for redistributing internet traffic in the region, helping to address the issue of limited Internet access in remote and rural areas.

In the long term, the EU is considering laying a cable along the bottom of the Caspian Sea. So far, the EU is encouraging Central Asian countries to join Azerbaijan’s Digital Silk Road project¹⁷, which aims to connect Central Asian countries, Afghanistan, Pakistan, the South Caucasus, Turkey, and EU countries via terrestrial and submarine fiber-optic cables across the Black Sea.

The EU also aims to promote its own standards for e-government and a unified regulatory framework in the ICT sector. According to experts, the EU encourages the implementation of digital governance reforms, with a particular focus on areas such as telecommunications, data protection, cybersecurity, and human rights compliance¹⁸. The proposed legislative changes in Central Asian countries align with the EU’s general legal framework *Acquis communautaire*, particularly the EU Digital Services Act and the General Data Protection Regulation (GDPR). Uzbekistan and Kazakhstan have already introduced reforms to support digital services

¹⁴ Global Gateway: Team Europe launches two initiatives in Central Asia on energy and on digital connectivity. 18.11.2022. URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/plmrep/COMMITTEES/DEVE/DV/2022/11-30/TeamEuropeinitiativesinCentralAsiaonenergyandondigitalconnectivityEN.pdf (accessed: 15.01.2025).

¹⁵ Joint Declaration: EU-Central Asia Connectivity Conference: Global Gateway. 18.11.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/joint-declaration-eu-central-asia-connectivity-conference-global-gateway_en (accessed: 15.01.2025).

¹⁶ Verbeeck N. Digital transformation, a cornerstone in EU-Kazakhstan economic and trade partnership. 10.10.2024. URL: <https://www.euractiv.com/section/central-asia/news/digital-transformation-a-cornerstone-in-eu-kazakhstan-economic-and-trade-partnership/> (accessed: 15.01.2025).

¹⁷ Do not confuse this with China’s “Belt and Road Initiative” project. See: Digital Silk Way. URL: <https://digitalsilkway.az> (accessed: 15.01.2025).

¹⁸ Komilov A. Digitalization: How the EU Can Transform Central Asia. 23.08.2023. URL: <https://thediplomat.com/2023/08/digitalization-how-the-eu-can-transform-central-asia/> (accessed: 15.01.2025).

and e-commerce. These changes include tax incentives for IT companies and the creation of new legal frameworks for digital payments and online business, facilitating the operation of European companies in the regional market. The laws also regulate the legal status of electronic documents and signatures.

The EU also offers regional countries the opportunity to integrate into intra-European programs in the field of digital technology. Specifically, this includes initiatives outlined in the priorities of the EU's Digital Diplomacy, approved by the Council of the European Union in 2023¹⁹. Among other objectives, the EU seeks to encourage its digital partners to adopt the European consensus position and promote key principles underlying the EU's common legal framework.

One promising area for cooperation is cybersecurity. If Central Asian countries engage with European satellite communication operators and ICT service providers, the EU will have the opportunity to integrate these nations into its cybersecurity agenda. For instance, there is consideration of conducting military and civilian cyber-training operations in the region under the framework of the Common Security and Defense Policy (CSDP). This is justified by the fact that at the proposed level of investment, physical and cyberattacks on infrastructure become inevitable, making the EU's active involvement a necessary measure to ensure the security of transit for critical resources, goods, and energy, as well as to maintain a favorable investment climate [5].

COMPETITIVENESS POTENTIAL OF THE GLOBAL GATEWAY

Like many other European Union projects, the Global Gateway initiative sets ambitious goals. Consequently, officials, experts, and the public have high expectations for it, as it represents the EU's largest geopolitical project of the 21st century. At the same time, there are also skeptical assessments regarding the feasibility of implementing its projects²⁰.

For example, the 300 billion euros investment volume has been questioned²¹. On the one hand, some argue that this amount is insufficient to achieve the stated objectives. On the other hand, such large-scale investments may be beyond the EU's financial capacity. Moreover, none of Brussels' previous geopolitical projects aimed at fostering energy and transport connectivity between the EU and Central Asia have been successfully implemented – not TRACECA, nor Nabucco, nor the Trans-Caspian Gas Pipeline [6]. Other experts question the attractiveness of the proposed projects for private investors, who are expected to cover a significant portion of the 300 billion euro investment²².

In general, assessing the history of EU-Central Asia relations, Professor Y. Leksiutina concludes that, despite Brussels' stated goals in the region over the past decades, the EU has neither facilitated the democratic transition of Central Asian countries nor fostered regional integration following the EU model. "The EU's use of normative power in the region can hardly be considered a success story, as impulses for regional integration and foreign economic

¹⁹ Council conclusions on EU Digital Diplomacy – Council conclusions approved by the Council at its meeting on 26 June 2023. 26.06.2023. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-11088-2023-INIT/en/pdf> (accessed: 15.01.2025).

²⁰ GT Voice: EU's 300 bln euro plan doomed to fail competing with BRI. 01.12.2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202112/1240424.shtml> (accessed: 15.01.2025).

²¹ Furness M., Keijzer N. Europe's Global Gateway: A New Geostrategic Framework for Development Policy? 2022. URL: https://www.idos-research.de/uploads/media/BP_1.2022.pdf (accessed: 15.01.2025).

²² Teevan Ch., Bilal S., Domingo E., Medinilla A. The Global Gateway: A recipe for EU geopolitical relevance? 13.06.2022. URL: <https://ecdpn.org/work/global-gateway-recipe-eu-geopolitical-relevance> (accessed: 15.01.2025).

openness in Central Asia have emerged from within the region itself rather than under the EU's influence" [6].

Furthermore, Brussels' initiatives are criticized for lacking a focus on regional specifics – an area where other actors operating in Central Asia have an advantage. According to Professor S. Zhiltsov, the EU is primarily interested in projects that, in the long run, aim to undermine Russia's economic capabilities, limit or exclude it from supply chains, and reduce its level of cooperation with Central Asian states [7].

Expanding on the theme of insufficient understanding of political processes in Central Asia, researchers criticize the EU for its lack of expert preparation. EU delegations in the region lack a centralized pool of European specialists who are not only proficient in Russian but also speak local languages and possess deep professional knowledge of regional characteristics and needs. As a result, they argue that this shortage of well-educated Central Asia experts prevents both the European External Action Service and the European Commission from fully utilizing the potential of their regional programs [8].

Other European analysts criticize Global Gateway for being reactive—arguing that the initiative is not fundamentally innovative but merely a response to China's strategic projects [9]. As previously mentioned, both officials

and experts often view Global Gateway as a countermeasure against China's global influence²³. Symbolically, the initiative's first summit took place in Samarkand in 2022, mirroring China's BRI, which was also launched at a Central Asian summit in 2013.

Experts generally remain skeptical about the EU's ability to compete with China. The PRC holds undeniable advantages in several areas: geographical proximity and its readiness to provide large-scale investments. Under the Digital Silk Road, a key component of the Belt and Road Initiative, the Chinese government and corporations subsidize the development of the sector in Central Asia [10]. Among Beijing's key achievements in the region's digitalization are: Chinese companies Huawei and ZTE have already completed nearly 100 projects to build 5G tower systems, connecting the region's countries to high-speed Internet server networks. China is estimated to control up to 80% of the telecommunications services market²⁴ and up to 70% of ICT equipment supplies in Central Asia²⁵. Leading Chinese companies involved in the region include Huawei, Hikvision, CEIEC, and Dahua. A particularly notable case was when the China National Electronics Import & Export Corporation (CEIEC) – a major exporter in the defense and security sector – allegedly donated 20 next-generation facial recognition cameras to Kyrgyzstan free of charge²⁶.

²³ Lau S., Moens B. EU to launch Global Gateway projects, challenging China's Belt and Road. 20.12.2021. URL: <https://www.politico.eu/article/global-gateway-european-union-launch-china-belt-and-road/> (accessed: 15.01.2025); Global Gateway vs. Belt and Road Initiative. 11.01.2022. URL: <https://www.bruegel.org/event/global-gateway-vs-belt-and-road-initiative> (accessed: 15.01.2025).

²⁴ Jardine B. China's Surveillance State Has Eyes on Central Asia. 15.11.2019. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/11/15/huawei-xinjiang-kazakhstan-uzbekistan-china-surveillance-union-launch-china-asia/> (accessed: 15.01.2025).

²⁵ Yam Y.T. Smart Cities or Surveillance? Huawei in Central Asia. 07.08.2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/08/smart-cities-or-surveillance-huawei-in-central-asia/> (accessed: 15.01.2025).

²⁶ Gundal A., Gusseinov E. Competing Digital Futures: Europe and China in Central Asia's Tech Development. 23.05.2024. URL: <https://thediplomat.com/2024/05/competing-digital-futures-europe-and-china-in-central-asias-tech-development/> (accessed: 15.01.2025); Toktomushev K. From Ecuador to Kyrgyzstan: A Quieter Story of China's Digital Belts and Roads. 17.12.2019. URL: <https://www.chinausfocus.com/finance-economy/from-ecuador-to-kyrgyzstan-a-quieter-story-of-chinas-digital-belts-and-roads> (accessed: 15.01.2025).

Contrary to the idea that the BRI and Global Gateway are inherently conflicting projects, some experts have suggested the potential for their integration. Researchers advocating for greater synergy between these initiatives – particularly to reduce Russia's influence in the region – still insist that the EU cannot abandon its norms and values for geopolitical interests [11]. Overall, the EU narrative presents China's BRI as a policy of “debt-trap diplomacy”, accusing Beijing of pursuing its geopolitical interests at the expense of its partners [12]. China is also frequently criticized for failing to align its projects with European ESG standards. Furthermore, the EU and China have fundamentally different approaches to connectivity and development policies. The situation is further complicated by the fact that, in EU policy, development is linked to security, while the EU and China's approaches to stability and security differ significantly. This creates major obstacles to establishing a constructive dialogue in the region [13]. Lastly, the EU operates on the principle of prioritizing its own norms and standards in foreign policy projects, which further complicates efforts to align with China's initiatives.

CONCLUSION

Since 2022, the European Union has launched a series of projects aimed at the digitalization of Central Asia, which have become the first initiatives within the Global Gateway framework. The EU aims to position itself as the primary provider of digital services in Central Asia, which will deepen economic cooperation and regional connectivity, as well as enhance the geopolitical status of the integration bloc. One of the EU's undeniable advantages is its institutional potential to influence many international institutions, allowing it to more effectively promote the EU's standards and norms in digital governance.

The European Union considers China to be an important partner but has never recognized that the infrastructure and other development projects under the BRI are almost identical to the EU's Global Gateway initiatives. The effective realization of the stated goals of the Global Gateway is also hindered by several characteristics inherent in the EU's foreign policy.

Chinese projects are often implemented at a faster pace, which allows for the timely resolution of urgent development tasks in Central Asian countries. EU investment initiatives, on the other hand, are usually more procedural, requiring extensive bureaucratic coordination within the Union. Additionally, the reporting on their implementation is much more detailed and time-consuming. Moreover, Central Asian governments are also aware that any investment projects and development assistance from the EU inevitably include a values component embedded in the foundation of each initiative. Although the Global Gateway promises to attract 300 billion euro in investment to implement global projects by 2027, the actual investment volumes for each sector are much more modest. For example, the entire Central Asia digitalization project currently amounts to 40 million euro, which is significantly less than China's investments. The Global Gateway program aimed at promoting connectivity in Central Asia has significant potential but requires increased funding, political, and institutional support from the EU.

As with its relations with other regions of the world [14], the EU's policy reflects not the actual political situation in the region but rather a securitized domestic political discourse about threats to EU interests. Furthermore, the classic issue for the EU remains: national priorities of member states hinder the harmonization of a common European policy. Political disagreements between member states lead to the achievement of consensus

that includes too many heterogeneous goals with limited resources.

The geopolitical conditions the European Union has faced over the past five years require it to first address internal problems. These include the need for recovery after a series of crises, strengthening European solidarity, counteracting the political influence of Eurosceptic parties, and developing a common European strategy towards the United States during the second presidency of Donald Trump. Moreover, Central Asia continues to have a lower priority compared to regions that directly neighbor the

EU – Eastern Europe, the Western Balkans, and the Southeast Mediterranean.

In the long term, the main factor determining the success of the EU's projects to counter China will be the ability to achieve internal cohesion and reconcile the diverse interests and priorities of member states regarding a common strategy in the region. The EU's inability to realize even the declaratively stated ambitious goals of the Global Gateway project will strengthen the positions of actors offering alternative models of world order for developing countries.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Тимакова О.А. Китай как «системный вызов» стратегическим интересам НАТО. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(1):20–32. DOI: 10.24975/2313-8920-2024-11-1-20-32
2. Russell M. The EU's Central Asia Strategy. Brussels: European Parliamentary Research Service; 2019. 12 p.
3. Pantucci R., Yau N. Paving the Digital Silk Road with the Shanghai Cooperation Organisation. *The RUSI Journal*. 2022;167(3):28–41. DOI: 10.1080/03071847.2022.2125653
4. Kurmangali M., Yeraliyeva Y., Beimisheva A. Digitalization and Artificial Intelligence in Central Asia: Governmental Responses and Further Implications. *Public Policy and Implementation*. 2024;23(2):146-159. DOI: 10.13165/VPA-24-23-2-03
5. Leino J. (ed.) The Return of Central Asia: the EU's engagement with a region threatened by the Dragonbear. Brussels: Konrad Adenauer Stiftung; 2023. 27 p.
6. Лексютина Я.В. Эволюция подхода ЕС к Центральной Азии: от «доброжелательного наблюдателя» к геополитическому игроку. *Сравнительная политика*. 2024;15(2):31-49. DOI: 10.46272/2221-3279-2024-2-15-2
7. Жильцов С.С. Роль транспортных коридоров в развитии Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2024;11(3):188–197. DOI: 10.24975/2313-8920-2024-11-3-188-197
8. Daminov I. EU-Central Asian Cooperation on Border Management, Migration and Mobility // in Khan K.H., Mihr A. (eds.) Europe-Central Asia Relations. Europe-Asia Connectivity. Singapore: Palgrave Macmillan; 2023. 270 p. DOI: 10.1007/978-981-19-8707-6_4
9. Fawn R., Kluczevska K., Korneev O. EU-Central Asian interactions: perceptions, interests and practices. *Central Asian Survey*. 2022;41(4):617-638. DOI: 10.1080/02634937.2022.2134300
10. Yau N. Chinese Governance Export in Central Asia. *Security and Human Rights*. 2022;32(1-4):28–40. DOI: 10.1163/18750230-bja10009
11. Cornell S., Swanström N. Compatible Interests? The EU and China's Belt and Road Initiative. Stockholm: Swedish Institute for European Policy Studies; 2020. 80 p.
12. Andžāns M., Djatkovica E. The Global Gateway and Central Asia Toward an EU-led Post-New Silk Road. Riga: Center for Geopolitical Studies Riga; 2023. 33 p.

13. Bossuyt F., Dessein B. The European Union, China and Central Asia: Regional Cooperation in a New Era. London: Routledge; 2021. 312 p.
14. Тимакова О.А. Политика безопасности Европейского союза в Африке: на примере деятельности в регионе Сахеля // в колл. монографии Меняющийся ландшафт международной безопасности: конфликты и сотрудничество. Под ред. О.П. Иванова. с. 179-196. Москва: Квант Медиа; 2025. 304 с.

REFERENCES

1. Timakova O. China as a 'systemic challenge' for NATO strategic interests. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(1):20–32. DOI: 10.24975/2313-8920-2024-11-1-20-32 (In Russ)
2. Russell M. The EU's Central Asia Strategy. Brussels: European Parliamentary Research Service; 2019. 12 p.
3. Pantucci R., Yau N. Paving the Digital Silk Road with the Shanghai Cooperation Organisation. *The RUSI Journal*. 2022;167(3):28–41. DOI: 10.1080/03071847.2022.2125653
4. Kurmangali M., Yeraliyeva Y., Beimisheva A. Digitalization and Artificial Intelligence in Central Asia: Governmental Responses and Further Implications. *Public Policy and Implementation*. 2024;23(2):146-159. DOI: 10.13165/VPA-24-23-2-03
5. Leino J. (ed.) The Return of Central Asia: the EU's engagement with a region threatened by the Dragonbear. Brussels: Konrad Adenauer Stiftung; 2023. 27 p.
6. Leksyutina Ya.V. Evolution of the EU Approach to Central Asia: from Positive Observer to Geopolitical Player. *Comparative Politics Russia*. 2024;15(2):31–49. DOI 10.46272/2221-3279-2024-2-15-2 (In Russ)
7. Zhiltsov S.S. The role of transport corridors for the development of Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2024;11(3):188–197. DOI: 10.24975/2313-8920-2024-11-3-188-197 (In Russ)
8. Daminov I. EU-Central Asian Cooperation on Border Management, Migration and Mobility // in Khan K.H., Mihr A. (eds.) Europe-Central Asia Relations. Europe-Asia Connectivity. Singapore: Palgrave Macmillan; 2023. 270 p. DOI: 10.1007/978-981-19-8707-6_4
9. Fawn R., Kluczevska K., Korneev O. EU-Central Asian interactions: perceptions, interests and practices. *Central Asian Survey*. 2022;41(4):617–638. DOI: 10.1080/02634937.2022.2134300
10. Yau N. Chinese Governance Export in Central Asia. *Security and Human Rights*. 2022;32(1-4):28–40. DOI: 10.1163/18750230-bja10009
11. Cornell S., Swanström N. Compatible Interests? The EU and China's Belt and Road Initiative. Stockholm: Swedish Institute for European Policy Studies; 2020. 80 p.
12. Andžāns M., Djatkovica E. The Global Gateway and Central Asia Toward an EU-led Post-New Silk Road. Riga: Center for Geopolitical Studies Riga; 2023. 33 p.
13. Bossuyt F., Dessein B. The European Union, China and Central Asia: Regional Cooperation in a New Era. London: Routledge; 2021. 312 p.
14. Timakova O. The European Union's Security Policy in Africa: The Case of the Sahel Region // in Ivanov O. (ed.) The Changing Landscape of International Security: Conflict and Cooperation. p. 179-196. Moscow: Kvant Media; 2025. 304 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR / ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ольга А. Тимакова

Кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва, Россия; 119021, Россия, Москва,
ул. Остоженка, д. 53/2;
o.timakova@dipacademy.ru

Olga A. Timakova

Ph.D. (Political Science),
Diplomatic Academy of the Ministry
of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia;
bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow,
119021, Russia;
o.timakova@dipacademy.ru

Перспективы политической системы Украины в условиях глобальных геополитических трансформаций

Андрей В. Ишин

*Институт «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия,*

a.ischin@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются политические проблемы, обусловленные перспективами политической системы Украины в условиях глобальных геополитических трансформаций. Автор рассматривает геополитические предпосылки украинского кризиса, характеризует новые геополитические реалии и «европейский фактор», оценивает состояние и перспективы украинской политической системы на современном этапе. Важной составляющей новых геополитических реалий стало провозглашение курса на мирное урегулирование «украинского конфликта» с учетом интересов России, начало двусторонних консультаций в формате Россия - США. Опираясь на междисциплинарный метод бинарных оппозиций, автор отмечает, что глобальные геополитические трансформации с новой остротой актуализировали дихотомию «Россия и Европа», еще в XIX столетии осмысленную Н.Я. Данилевским. Сегодня высокопоставленные чиновники Европейского союза выступают с недвусмысленными заявлениями о том, что мирное урегулирование кризиса вокруг Украины якобы несет угрозу «европейским интересам». На этом фоне углубляется стагнация украинской политической системы, в которой безраздельно господствуют националистические идеологи. Автор приходит к выводу, что такое положение дел является прямым следствием консервации на протяжении всех лет так называемой «независимости Украины» унитарного административно-территориального устройства, жесткого навязывания западноукраинской региональной и ментальной идентичности жителям остальных регионов.

Ключевые слова: политическая система Украины, украинский кризис, национализм, унитарное устройство, федерализация

Для цитирования: Ишин А.В. Перспективы политической системы Украины в условиях глобальных геополитических трансформаций. *Проблемы постсоветского пространства*. 2025;12(2):126–134. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-2-126-134>

Поступила 18.05.2025

Принята в печать 13.06.2025

Опубликована 30.06.2025

Prospects for the Political System of Ukraine in the Context of Global Geopolitical Transformations

Andrey V. Ishin

*Institute "Tavricheskaya academy", Crimean Federal University
named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russia,*

a.ischin@yandex.ru

Abstract: The article analyzes political problems caused by the prospects of the political system of Ukraine in the context of global geopolitical transformations. The author examines the geopolitical preconditions for the ukrainian crisis, characterizes the new geopolitical realities and the "european factor", and assesses the state and prospects of the ukrainian political system at the present stage. An important component of the new geopolitical realities was the proclamation of a course towards a peaceful settlement of the "ukrainian conflict" taking into account Russia's interests, and the beginning of bilateral consultations in the Russia-USA format. Based on the interdisciplinary method of binary oppositions, the author notes that global geopolitical transformations have brought to the forefront with new urgency the dichotomy of "Russia and Europe," which was conceptualized by N. Ya. Danilevsky back in the 19th century. Today, high-ranking officials of the European union are making unambiguous statements that a peaceful resolution of the crisis around Ukraine allegedly poses a threat to "european interests". Against this background, the stagnation of the Ukrainian political system, in which nationalist ideologies reign supreme, is deepening. The author comes to the conclusion that this state of affairs is a direct consequence of the preservation throughout all the years of the so-called "independence of Ukraine" of the unitary administrative-territorial structure, the rigid imposition of the Western Ukrainian regional and mental identity on the residents of the other regions.

Keywords: political system of Ukraine, ukrainian crisis, nationalism, unitary structure, federalization

For citation: Ishin A.V. Prospects for the Political System of Ukraine in the Context of Global Geopolitical Transformations. *Post-Soviet Issues*. 2025;12(2):126–134. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-2-126-134>

Received 18.05.2025

Revised 13.06.2025

Published 30.06.2025

ВВЕДЕНИЕ

Фундаментальной предпосылкой украинского кризиса с последующей военной конфронтацией послужило стремление глобалистских элит коллективного Запада к максимальной фрагментации и ослаблению

цивилизации Русского мира, сопряженных с постепенным «удушением» в формате «стратегии Анаконды» ресурсно-экономического потенциала России и попытками деконструкции российской государственности.

При этом уже в преддверии государственного переворота в Киеве 2014 года ставилась задача по блокированию политического, хозяйственного и культурного взаимодействия братских восточнославянских народов, вышедших из единой исторической колыбели – древнерусской народности, этноконфессиональная «зачистка» украинского пространства с последующим превращением Украины в колониально-буферную зону между Западом и Россией, зону, откровенно враждебную Русскому миру и контролируруемую евро-атлантическими структурами [1].

Попытки Киева подавить сопротивление установлению неонацистской диктатуры, которое проявили народные республики Донбасса, привели к дипломатическому вмешательству Российской Федерации. Однако, как справедливо отметил в интервью изданию «Международная жизнь» Министр иностранных дел России С.В. Лавров: «В западных столицах открыто признали, что не планировали выполнять Минские соглашения, которые были призваны урегулировать конфликт на Украине. На самом деле лишь тянули время для подготовки к военному сценарию, накачки Киева вооружениями.

Думаю, важно понять главное: на Западе нашу страну хотят устранить как серьезного геополитического конкурента <...> Они хотят по максимуму истощить наши экономические, технологические и оборонные возможности, ограничить суверенитет и заставить нас отказаться от самостоятельного курса во внешней и внутренней политике.

Около 50 стран, входящих в «коалицию Рамштайн» по военной поддержке Украины, фактически вовлечены в вооруженный конфликт на стороне киевского режима, который, подчеркну, не гнушается

и террористическими методами ведения военных действий» [2, с. 7].

Вместе с тем, планы Запада нанести России стратегическое поражение на поле боя провалились вследствие успешно выбранной стратегии специальной военной операции. Свидетельство тому — провал «контрнаступа» киевской военщины в 2023 г. и освобождение значительной части территорий Новороссии от власти киевского режима [3, с. 558].

НОВЫЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ И «ЕВРОПЕЙСКИЙ ФАКТОР»

Приход в январе 2025 г. к власти в Белом доме 47-го президента США Д. Трампа и его администрации обозначили важную смену акцентов на оси геополитических координат коллективного Запада. Д. Трамп недвусмысленно провозгласил приоритетом своей внешней и внутренней политики возвращение величия США, поставив национальные интересы своей страны выше интересов «нового мирового порядка».

Важной составляющей такого подхода стало провозглашение курса на мирное урегулирование «украинского конфликта» с учетом интересов России, начало двусторонних консультаций в формате Россия - США, по сути, ставшее ответом на мирные инициативы Москвы, которые звучали задолго до начала специальной военной операции и были откровенно проигнорированы администрацией 46-го президента США Дж. Байдена и руководством Европейского союза.

В официальном Лондоне, Париже, Берлине, ряде других европейских столиц подобная смена подходов вызвала откровенное раздражение и неприятие. Так, согласно информации пресс-бюро Службы внешней разведки Российской Федерации, «по поступающим в СВР данным, руководство Великобритании видит угрозу

своим интересам в продвижении диалога между США и Россией по разрешению украинского конфликта. В Лондоне опасаются, что это приведет к провалу британской стратегии «сдерживания» Москвы, центральное место в которой занимает контроль над Украиной. Ее вероятная потеря, по оценке британцев, подорвет планы по созданию в Европе русофобского «пояса государств-лимитрофов» и организации морской «блокады» РФ» [4]. При этом было отмечено, что «в Лондоне крайне раздражены тем, что Д. Трамп «ведет диалог с Россией как со сверхдержавой и демонстрирует пренебрежение к ближайшим союзникам» <...> «В складывающейся ситуации британские власти считают «неотложным приоритетом» подрыв «миротворческих» усилий новой американской администрации на украинском треке. Перед СМИ и «профильными» НПО поставлена задача демонизировать Трампа, представляя его как «человека с плохим послужным списком в области миротворчества, уязвимого перед манипуляциями Кремля»» [4].

На этом фоне высокопоставленные чиновники Европейского союза выступают с недвусмысленными заявлениями о том, что мирное урегулирование кризиса вокруг Украины несет угрозу «европейским интересам» по причине, якобы, наличия у России агрессивных планов в отношении европейских государств. С подобными заявлениями выступили, в частности, еврокомиссар по обороне А. Кубилюс, глава разведывательной службы Германии Б. Каль и ряд других политиков [5].

Еврочиновники ввели против нашей страны уже 17 пакетов антироссийских санкций, которые по факту, в первую очередь, ударили по экономикам государств ЕС. Тем не менее, продолжается поиск новых санкционных механизмов (при

этом абсолютно противоправных с точки зрения международных норм), которые, по заявлению главы французского МИД Жан-Ноэль Барро, «разрушить российскую экономику навсегда» [6].

В этом отношении уместно привести оценку Министра иностранных дел России С.В. Лаврова, согласно которой «неприятие логики исторического развития, не скрываемое современным поколением западных лидеров, более всего свидетельствует об их профессиональной деградации, утрате способности к корректному анализу происходящих событий и прогнозированию тенденций» [2, с. 5].

Безусловно, что глобальные геополитические трансформации с новой остротой актуализировали дихотомию «Россия и Европа», еще в XIX столетии осмысленную Н.Я. Данилевским в одноименной монографии. Выдающийся отечественный мыслитель отмечал: «Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды <...> материалом, который можно бы формировать и обделять по образу и подобию своему <...> Европа видит поэтому в Руси и в славянстве не чуждое только, но и враждебное начало» [7, с. 50–51].

При этом функционеры киевского режима и его нынешние кураторы по-прежнему апеллируют к украинскому социуму с весьма убогим интеллектуально-пропагандистским багажом, согласно которому украинскому населению надлежит «войти в семью цивилизованных народов», то есть, следуя терминологии Н.Я. Даниевского, превратиться в «этнографический материал».

Вместе с тем, а что представляет собой «европейская цивилизация»? Каковы ее истоки? Исторические и культурные

корни? Было бы правильным начало европейского цивилизационного пути соотносить с Крито-Микенской (Эгейской) культурой (III-II тыс. до Р.Х.). Затем трансисторический вектор пролегает через Античную Грецию и эллинистические государства к Римской империи и далее – к Византии – Восточно-Римской империи, на многие столетия ставшей непререкаемым центром подлинной европейской культуры (это относится как к духовной, так и к материальной культуре) после крушения Западно-Римской империи в 476 г.

Колоссальное политическое и культурное наследие Византии было адаптировано Русью, которая весьма убедительно рассматривается в отечественной историко-философской традиции в статусе правопреемника Византии. Эту мысль подтверждают теснейшие духовные связи (вся церковная иерархия Руси долгое время была подчинена Византийской церкви), династическое родство (начиная с эпохи Владимира Великого), преемственность самой государственнической традиции. Нестор Летописец в своей выдающейся «Повести временных лет» называет киевского князя Владимира «новым Константином великого Рима». На протяжении столетий формируется концепция «Святой Руси» как «Третьего Рима». Эта концепция окончательно сформировалась в трудах старца псковского Елеазарова монастыря, русского писателя и публициста первой половины XVI в. Филофея...

Даже краткий исторический экскурс подтверждает вывод о том, что Европа исторически не была единой, а всегда была разной. Можно говорить даже о нескольких «Европах», или нескольких конституирующих началах современной европейской цивилизации. Во всяком случае, византийско-славянское начало имеет

в этом отношении никак не меньшую роль, чем начало англосаксонское, франкское, готское... Примечательно, что до сих пор существует термин «вандализм», отражающий своеобразную традицию отношения группы германских племен к памятникам культуры Древнего Рима [8, с. 32–33].

ТУПИКИ УКРАИНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

По нашему убеждению, современное состояние украинской политической системы характеризуется двумя важнейшими факторами: 1) весьма условной легитимностью киевского режима; 2) реальным отсутствием геополитической субъектности Украины.

В отношении первого фактора немало важно отметить, что вследствие государственного переворота в Киеве в феврале 2014 года реальную власть на Украине получили радикальные националистические силы, а в политико-идеологическом поле практический безальтернативной стала идеология бандеровщины.

В таких условиях любые по-настоящему демократические выборы были исключены по определению. Из избирательного процесса исключались представители левых и коммунистических движений. Политики, подозреваемые в «пророссийскости», подвергались (и подвергаются доныне) жестоким репрессиям. Активизировалось беспрецедентное наступление на каноническое Православие.

Наряду с этим, срок президентских полномочий главаря киевского режима В. Зеленского должен был истечь еще в 2024 году. Но в нарушение действующей конституции Украины (и вопреки пожеланиям администрации Д. Трампа) Зеленский, по существу, отказывается идти на проведение выборов под предлогом сохранения военного положения.

Согласно оценке экс-президент Украины и лидера партии «Европейская солидарность» П. Порошенко* (*внесен Росфинмониторингом в список террористов и экстремистов), Зеленский «злоупотребляет военным положением», используя его не только «для обороны», но и для выстраивания авторитарной управленческой системы [9].

Безграничной поддержкой В. Зеленского и его клики пользуется украинский националистический полк «Азов»* (*запрещённая в России террористическая организация), расширенный в настоящее время до уровня корпуса [9]. Примечательно, что в феврале 2025 года участники именно этого террористического формирования предали огню чучело президента США Д. Трампа, сопровождая свою акцию угрозами расправы над ним [10].

Очевидно, что ни В. Зеленскому, ни его приспешникам, готовым воевать «до последнего украинца», мирные соглашения не выгодны, так как шансы сохранить свою власть в ходе демократических процедур становятся все более призрачными.

За пролонгацию пребывания «у руля» киевской политической системы эти люди готовы расплачиваться не только людскими, но и материальными ресурсами, что в полной мере подтвердило «Соглашение между Правительством Соединенных Штатов Америки и правительством Украины о создании американо-украинского инвестиционного фонда восстановления».

Согласно тексту Соглашения, которое распространяется на все «участки, запасы и месторождения на территории Украины алюминия, сурьмы, мышьяка, барита, бериллия, висмута, церия, цезия, хрома, кобальта, меди, диспрозия, эрбия, европия, фтора, плавикового шпата, гадолиния, галлия, германия, золота, графита,

гафния, гольмия, индия, иридия, лантана, лития, лютеция, магния, марганца, неодима, никеля, ниобия, палладия, платины, калия, празеодима, родия, рубидия, рутения, самария, скандия, тантала, теллура, тербия, туля, олова, титана, вольфрама, урана, ванадия, иттербия, иттрия, цинка, циркония, нефти, природного газа (включая сжиженный природный газ) и другие минералы или углеводороды, иным образом согласованные Принципами», украинское руководство обязалось бессрочно отдавать США 50% доходов от новых добывающих, энергетических или инфраструктурных проектов [11].

Тупиковое состояние нынешней политической системы Украины очень точно выразил общественный и политический деятель В. Боделан: «...ситуация на Украине такова, что меняются лишь разные группировки у руля власти, каждая из которых рассматривает государство, как инструмент накопления личного капитала. Для каждой из них нестабильная обстановка в государстве является выгодным явлением, и они сами становятся его организаторами. Люди, стоящие у руля государства, стали властоманами. Они будут яростно сопротивляться, чтобы остаться на своих местах. И у них есть для этого достаточно сил и средств. Они имеют серьезную опору — националистические силы. Сегодня идеи национализма проникли во все слои общества и оказывают серьезное влияние на всю жизнь страны» [12, с. 73].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нынешнее состояние украинской политической системы губительно, в первую очередь, для многонационального населения Украины, подвергающегося тотальному информационно-идеологическому и юридическому прессингу

со стороны киевского режима и его кураторов на Западе.

Такое положение дел, в свою очередь, является прямым следствием консервации на протяжении всех лет так называемой «независимости Украины» унитарного административно-территориального устройства, жесткого навязывания западноукраинской региональной и ментальной идентичности жителям остальных регионов.

Вместе с тем, еще в 2010 году авторы работы «Федерализация Украины: к единству через разнообразие» отмечали: «За время независимости так и не было выработано стратегического плана строительства Украины как единого государства. В результате различные политические силы боролись и борются между собой за построение «своего» государства, таким, каким они его представляют <...> Нерешенными в течение десятилетия оставались проблемы в межнациональной и этнокультурной сферах. Взяв курс на создание украинской нации, власть не смогла объяснить обществу, каким образом, в какие сроки и с помощью чего можно реализовать эту цель. В итоге, отмечая каждый год годовщину независимости,

Украина имела не единую нацию, объединенную общими целями, а сообщество людей, которых объединял лишь факт (общей) государственной границы» [13, с. 20].

Позитивные трансформации политической системы Украины возможны только вследствие победного завершения СВО и реализации нами важнейших стратегических целей. Перечень этих целей с исчерпывающей полнотой перечислил директор Службы внешней разведки РФ С.Е. Нарышкин: безъядерный нейтральный статус Украины, демилитаризация и денацификация украинского государства, отмена всех дискриминационных законов, которые были приняты после совершения государственного переворота в 2014 году, безусловное признание суверенитета России и нынешних территориальных границ Российской Федерации [14].

Для той части Украины, которая, очевидно, сохранит это название после неизбежного подписания (в ближайшей или среднесрочной перспективе) мирных соглашений, федерализация сможет стать реальным инструментом денацификации гуманитарного пространства и согласования региональных интересов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ишин А.В. Интервью газете Государственного Совета Республики Крым «Крымские Известия» – Попытки узаконить церковный раскол – ущербны. *Крымские Известия*. 2019;38:1-2.
2. Лавров С. На Западе нашу страну хотят устранить как серьезного геополитического конкурента. *Международная жизнь*. 2023;8:4-11.
3. Ишин А.В. Влияние «крымского фактора» на геополитические процессы в Черноморском регионе. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2024;26(3):556-568. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-556-568>
4. Лондон – главный «поджигатель» глобального конфликта. В СВР уверены, что настало время послать коварному Альбиону ясный сигнал. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2025/03/11/london__glavnyi_podzhigatel_globalnogo_konflikta (дата обращения: 11.03.2025).

5. Неукропный А. Мир на Украине – это бу-
дущая война в Европе. URL: <https://topcor.ru/59912-mir-na-ukraine-jeto-buduschaja-vojna-v-evrope.html> (дата обращения: 13.05.2025).
6. Министр иностранных дел Франции при-
звал «полностью и навсегда» разрушить
российскую экономику. URL: <https://topwar.ru/264604-ministr-inostrannyh-del-francii-prizval-polnostju-i-navsegda-razrushit-rossijskuju-jekonomiku.html> (дата обра-
щения: 14.05.2025).
7. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Мо-
сква: Книга; 1991. 574 с.
8. Ишин А.В., Зябрева Г.А. Система «природа —
человек — социум» // Человек: индивид, ин-
дивидуальность, личность: монография / под
науч. ред. проф. И. И. Кального. Москва: ИН-
ФРА-М; 2022. С. 26-41. DOI: 10.12737/1740254
9. Поздняков Е. Зеленский снизил до нуля
шанс перемен на Украине к лучшему. Киев
пошел по пути обострения конфликта
с Россией и Трампом. URL: https://vz.ru/society/2025/4/15/1326189.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F0d597ac2-7487-58ac-b231-2dad2c355a56 (дата обращения: 15.04.2025).
10. Доброва М. «Заплатишь кровью!» Укро-
нацисты жгут чучело Трампа и угрожа-
ют расправой. URL: <https://runews24.ru/articles/21/02/2025/zaplatish-krovyu-ukro-nacisty-zhgut-chuchelo-trampa-i-ugrozhayut-raspravoj> (дата обращения: 21.02.2025).
11. Матвеев И. Украина стала самой бесправ-
ной колонией мира (перевод с украинского).
URL: https://www.worldandwe.com/ru/page/ukraina_stala_samoy_bespravnoy_koloniei_mira.html?utm_source=finobzor.ru (дата об-
ращения: 14.05.2025).
12. Боделан В. О перспективах Украины. *Меж-
дународная жизнь*. 2025;1:72–73.
13. Григорьянц В. Е., Жильцов С. С., Ишин А. В.
Федерализация Украины: к единству че-
рез разнообразие. Москва: Изд-во МГОУ;
2010. 36 с.
14. Сергей Нарышкин назвал цели России по-
сле окончания СВО. URL: https://ruskline.ru/politnews/2025/04/15/sergei_naryshkin_nazval_celi_rossii_posle_okonchaniya_svo
(дата обращения: 15.04.2025).

REFERENCES

1. Ishin A.V. Interview to the newspaper of State
Advice of Republic Crimea «Crimean News» -
Attempts to legalize a church dissidence - wan-
ing. *Crimean News*. 2019;38:1-2 (In Russ).
2. Lavrov S. In the West they want to eliminate
our country as a serious geopolitical compet-
itor. *The International Affairs*. 2023;8:4–11
(In Russ).
3. Ishin A.V. (2024). The role of the “Crime-
an factor” in geopolitical processes of the
Black Sea region. *RUDN Journal of Politi-
cal Science*. 2024;26(3):556–568. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-3-556-568>
(In Russ).
4. London is the main “instigator” of the global
conflict. The SVR is confident that the time
has come to send a clear signal to the perfid-
ious Albion. URL: https://ruskline.ru/news_rl/2025/03/11/london_glavnyi_podzhigatel_globalnogo_konflikta [Accessed: 11.03.2025]
(In Russ).
5. Neukropny A. Peace in Ukraine is the future
war in Europe. URL: <https://topcor.ru/59912-mir-na-ukraine-jeto-buduschaja-vojna-v-ev-rope.html> [Accessed: 16.05.2025] (In Russ).
6. The French Foreign Minister called for the “com-
plete and permanent” destruction of the Rus-
sian economy. URL: <https://topwar.ru/264604-ministr-inostrannyh-del-francii-prizval-pol->

- nostju-i-navsegda-razrushit-rossijskuju-jekonomiku.html [Accessed: 14.05.2025] (In Russ).
7. Danilevsky, N.Ya. Russia and Europe. Moscow: Kniga; 1991. 574 p. (In Russ).
 8. Ishin A.V., Zyabreva G.A. The system “nature - man - society” // Man: individual, individuality, personality: monograph / edited by prof. I.I. Kalnoy. Moscow: INFRA-M; 2022. Pp. 26-41. DOI 10.12737/1740254 (In Russ).
 9. Pozdnyakov E. Zelensky reduced to zero the chance of changes in Ukraine for the better. Kyiv has taken the path of escalating the conflict with Russia and Trump. URL: https://vz.ru/society/2025/4/15/1326189.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fdzen.ru%2Fnews%2Fstory%2F0d597ac2-7487-58ac-b231-2dad2c355a56 [Accessed: 15.04.2025] (In Russ).
 10. Dobrova M. “You will pay with blood!” Ukrainian nazis burn an effigy of Trump and threaten reprisals. URL: <https://runews24.ru/articles/21/02/2025/zaplatish-krovyyu-ukro-naczisty-zhgut-chuchelo-trampa-i-ugrozhayut-raspravoj> [Accessed: 21.02.2025] (In Russ).
 11. Matveyev I. Ukraine has become the most disenfranchised colony in the world (translated from Ukrainian). URL: https://www.worldandwe.com/ru/page/ukraina_stala_samoy_bespravnoy_koloniei_mira.html?utm_source=finobzor.ru [Accessed: 14.05.2025] (In Russ).
 12. Bodelan V. On the Prospects of Ukraine. *The International Affairs*. 2025;1:72-73 (In Russ).
 13. Grigor'yanc V.E., Zhiltsov S.S., Ishin A.V. Federalizaciya of Ukraine: to unity through a variety. Moscow: Publishing house of Moscow state regional university; 2010. 36 p. (In Russ).
 14. Sergei Naryshkin named Russia's goals after the end of the special military operation. URL: https://ruskline.ru/politnews/2025/04/15/sergei_naryshkin_nazval_celi_rossii_posle_okonchaniya_svo [Accessed: 15.04.2025] (In Russ).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Андрей В. Ишин

Доктор исторических наук,
Институт «Таврическая академия» ФГАОУ
ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь,
Россия; 295005, Россия, Симферополь,
проспект академика Вернадского, д.4;
a.ischin@yandex.ru

Andrey V. Ishin

Doctor of Historical Sciences,
Institute “Tavricheskaya academy”, Crimean
Federal University named after V.I. Vernadsky,
Simferopol, Russia; bld. 4, Academician Ver-
nadsky Prospekt Str., Simferopol, Republic
of Crimea, 295007, Russia;
a.ischin@yandex.ru

Евразийская интеграция: анализ ключевых документов членов интеграционного объединения

Сергей С. Жильцов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

serg.serg56@mail.ru

Аннотация: в создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) принимают участие Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Россия. Созданию интеграционного объединения предшествовали различные документы, в которых были определены подходы отдельных стран постсоветского пространства к взаимодействию с соседями. Документы закладывали фундамент последующего взаимодействия бывших советских республик. После подписания договора о формировании ЕАЭС в каждом из государств приняты документы – двусторонние и многосторонние соглашения, которые определяют их стратегии сотрудничества в рамках интеграционного объединения, формируя общее правовое поле дальнейшего сближения. Особое внимание обращено к ключевым документам, в которых отражены позиции государств-членов ЕАЭС. В каждой из стран ЕАЭС было принято достаточное количество документов, которые дают представление о политике отдельных стран по вопросу интеграции, а также о характере сотрудничества между странами постсоветского пространства. В статье исследовано видение странами-партнерами России по ЕАЭС целей и задач интеграционных процессов в Евразии, а также выявлены перспективы их дальнейшего сотрудничества между собой и другими акторами, которые находятся вне рамок постсоветского пространства. Это отдельная группа государств, которые прямо или опосредованно оказывают влияние на евразийскую интеграцию. Основное внимание уделено эволюции положений в документах каждого из государств-членов ЕАЭС, определяющих их позицию в рамках объединения, проведен их анализ.

Ключевые слова: ЕАЭС, евразийская интеграция, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия

Для цитирования: Жильцов С.С. Евразийская интеграция: анализ ключевых документов членов интеграционного объединения. *Проблемы постсоветского пространства*. 2025;12(2):135–150. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-2-135-150>

Поступила 02.05.2025

Принята в печать 28.05.2025

Опубликована 30.06.2025

Eurasian integration: analysis of the key documents adopted by the EAEU member states

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia,

serg.serg56@mail.ru

Abstract: Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Russia are involved in the establishment of the Eurasian Economic Union (EAEU). The creation of the integration bloc was preceded by various documents that defined the approaches of individual countries in the post-Soviet area to interaction with their neighbors. The documents laid the foundation for subsequent interaction between the former Soviet republics. Having signed the treaty on the formation of the EAEU, each of the states adopted different documents – bilateral and multilateral agreements, which define their strategies of cooperation within the framework of the integration platform. It helped forming a common legal field for further rapprochement. Special attention is paid to the key documents that reflect the positions of the EAEU member states. Each of the EAEU countries has adopted a sufficient number of documents that highlight the policy of individual countries on the issue of integration. Such strategic papers also reveal the nature of cooperation between the countries of the post-Soviet area. The article analyses how Russia's partners in the EAEU access the goals and objectives of integration in Eurasia. The paper also evaluates the prospects for their further cooperation among themselves and with other actors beyond the post-Soviet area. This is a separate group of states that directly or indirectly influence the Eurasian integration. The main attention is paid to the evolution of ideas and provisions in the documents of the EAEU members with regard to their position within the framework of the bloc, their analysis was carried out.

Keywords: EAEU, Eurasian integration, Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia

For citation: Zhiltsov S.S. Eurasian integration: analysis of the key documents adopted by the EAEU member states. *Post-Soviet Issues*. 2025;12(2):135–150. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-2-135-150>

Received 02.05.2025

Revised 28.05.2025

Published 30.06.2025

INTRODUCTION

During the existence of the USSR, a single economic complex functioned in the country, where each republic had its own specialization. This factor contributed to the preservation of close cooperation ties between the states

formed after the collapse of the Soviet Union and prompted the start of their integration [1]. On December 8, 1991, the Russian Federation, the Republic of Belarus and Ukraine signed the Agreement on the Establishment of the

Commonwealth of Independent States (CIS)¹. This marked the beginning of interaction between the former Soviet republics.

Initially, the CIS was «only an Agreement confirming the commitment of the newly independent states to cooperation in various areas» [1]. It turned into a full-fledged integration group after the signing of the Agreement on the Establishment of a Free Trade Zone (April 15, 1994²). The document was aimed at implementing the provisions of the Treaty on the Establishment of the Economic Union³ of September 24, 1993 (ratified by all partner countries of the Russian Federation in the EAEU). The Treaty did not establish an economic union, but provided for stages of deepening economic integration: the creation of a free trade area (FTA); then a customs union (CU); the formation of a common market for goods, services, capital and labor, and at the final stage the creation of a currency union. The agreement on the FTA

envisaged the abolition of tariff and non-tariff restrictions in mutual trade, as well as the implementation of duty-free trade to eliminate numerous trade barriers. Some countries that are currently part of the EAEU began to sign bilateral agreements on various areas of economic cooperation and develop free trade in a bilateral format even before the signing of the multilateral Free Trade Agreement of 1994. For example, the Agreement on the Principles of Trade and Economic Cooperation was signed between Belarus and Kazakhstan⁴, free trade agreements were signed between Armenia and Russia (1992), Belarus and Russia (1992)⁵, Belarus and Ukraine⁶ (1992; not a member of the EAEU), Belarus and Moldova⁷ (1994; not a member of the EAEU), Armenia and Tajikistan⁸(1994; not a member of the EAEU), etc.⁹

After 1994, this process intensified: free trade agreements were signed between Kazakhstan and Kyrgyzstan¹⁰ (1995), Kazakhstan and

¹ Agreement on the establishment of the Commonwealth of Independent States (CIS) (signed on December 8, 1991) URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900745> (accessed: 03.03.2025).

² Agreement of the CIS countries of 15.04.1994 On the establishment of a free trade zone. Terminated between the Parties to the Free Trade Zone Agreement of 18.10.2011, for which the mentioned Agreement entered into force / 1994. - 15 Apr. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3635/ (accessed: 03.02.2025).

³ Treaty of the CIS countries of 24.09.1993 On the establishment of the Economic Union. 1993. September 24. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900462> (accessed: 03.01.2025).

⁴ Agreement between the Government of the Republic of Kazakhstan and the Government of the Republic of Belarus on the principles of trade and economic cooperation of September 16, 1992. Repealed as of December 16, 2015. 1992. September 16. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=i09200037> (accessed: 04.02.2025).

⁵ Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Armenia on free trade. 1992. September 30. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48806/ (accessed: 04.02.2025).

⁶ Agreement between the Government of the Republic of Belarus and the Government of Ukraine on free trade of December 17, 1992. 1992. December 17. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=9711 (accessed: 04.01.2025).

⁷ Agreement between the Government of the Republic of Belarus and the Government of Ukraine on free trade of December 17, 1992. 1992. December 17. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=9711 (accessed: 04.01.2025).

⁸ Agreement between the Government of the Republic of Tajikistan and the Government of the Republic of Armenia on free trade of March 2, 1994. 1994. March 2. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=20971 (accessed: 04.02.2025).

⁹ The General Register (List) of signed international documents on interregional and cross-border cooperation of the CIS member states until 2020 is available on the CIS Internet portal. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3745/86862/> (accessed: 04.02.2025).

¹⁰ Agreement between the Government of the Republic of Kazakhstan and the Government of the Kyrgyz Republic on free trade of June 22, 1995. 1995. June 22. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=8547 (accessed: 04.02.2025).

Uzbekistan¹¹ (1996; not a member of the EAEU), Belarus and Kazakhstan¹² (1997), Belarus and Kyrgyzstan¹³ (1999). Along with this, the parties discussed a list of exceptions from the free trade regime, as envisaged by the 1994 Agreement. In practice, this was implemented through the signing of protocols to bilateral free trade agreements that included exceptions from the free trade regime. In particular, such documents were signed by Kazakhstan and Kyrgyzstan¹⁴ (1995) and Kazakhstan and Tajikistan¹⁵ (1997). In 1995, Belarus¹⁶ and Kazakhstan¹⁷, together with Russia, signed protocols on the introduction of a free trade regime without exceptions and restrictions.

Unlike bilateral treaties, the parties failed to agree on a list of exceptions in a multilateral format. As a result, on April 2, 1999, the Protocol on Amendments and Additions to the Free Trade Area Agreement¹⁸ was signed, which is a framework document.

Its significance was that the FTA member countries abolished all tariffs in mutual trade, taxes and fees, as well as quantitative restrictions on the import and (or) export of goods. In addition, the bilateral free trade regime operating in the CIS was replaced by a multilateral format [2]. The protocol was signed by all of Russia's partner countries in the EAEU.

The 1994 agreement contained many exceptions (i.e. types of goods and activities that were not covered by the document), its participants could introduce «measures of state regulation generally accepted in international practice» in most cases, which gave them the right to introduce duties on the export of natural resources and import duties on goods coming from post-Soviet states. «The introduction of such practice made the agreement hard-to-implement, so the free trade regime, enshrined in the mentioned

- ¹¹ Agreement between the Government of the Kyrgyz Republic and the Government of the Republic of Uzbekistan on free trade of December 24, 1996. 1996. December 24. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=6993 (accessed: 04.01.2025).
- ¹² Agreement between the Government of the Republic of Kazakhstan and the Government of the Republic of Belarus on free trade of September 23, 1997. 1997. September 23. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=8566 (accessed: 04.02.2025).
- ¹³ Agreement between the Government of the Republic of Belarus and the Government of the Kyrgyz Republic on free trade of March 30, 1999. 1999. March 30. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=5045 (accessed: 04.02.2025).
- ¹⁴ Protocol on Exceptions from the Free Trade Regime to the Agreement between the Government of the Republic of Kazakhstan and the Government of the Kyrgyz Republic on Free Trade of June 22, 1995. 1995. June 22. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=8548 (accessed: 04.02.2025).
- ¹⁵ Full title of the document: «Protocol on Exceptions from the Free Trade Regime to the Agreement of November 22, 1995 between the Government of the Republic of Kazakhstan and the Government of the Republic of Tajikistan on Free Trade of October 28, 1997». The document is mentioned in the list of agreements between the governments of the CIS member states on the CIS Internet portal. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3749/86884/> (accessed: 04.02.2025).
- ¹⁶ Protocol between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Belarus of 06.01.1995 On the introduction of a free trade regime without exceptions and restrictions between the Russian Federation and the Republic of Belarus. 1995. January 6. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91435/ (accessed: 04.02.2025).
- ¹⁷ Protocol of 20.01.1995 On the introduction of a free trade regime without exceptions and restrictions between the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan. Terminated in accordance with the Order of the Government of the Russian Federation of 25.07.2014 N1394-r. 1995. January 20. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91744/ (accessed: 04.02.2025).
- ¹⁸ Protocol of 02.04.1999 On Amendments and Supplements to the Agreement on the Establishment of a Free Trade Zone of 15 April 1994. Terminated between the Parties to the Free Trade Zone Agreement of 18.10.2011, for which the said Agreement entered into force. 1999. 2 Apr. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30113/9a0bb03c9a84f7ad17fb82d98b1012742f170aab/ (accessed: 04.02.2025).

bilateral free trade treaty, continued to operate between the CIS countries»¹⁹.

A number of states: Armenia, Belarus, Kazakhstan and Kyrgyzstan continued to sign free trade agreements with the CIS countries, with which they had not been reached before the adoption of the 1994 Agreement and the 1999 Protocol. In 2000, similar agreements were concluded between Belarus and Armenia²⁰, between Kyrgyzstan and Tajikistan²¹, and in 2004 - between Kyrgyzstan and Azerbaijan²² (not a member of the EAEU) and Belarus and Azerbaijan²³.

The signing of protocols «on exceptions from the free trade regime to bilateral free trade agreements» has also intensified. In 2000, they were concluded by Armenia and Russia²⁴, and in 2002 by «Armenia and Belarus»²⁵. In 2004 «Armenia and Russia»²⁶ and «Belarus and Ukraine»²⁷ signed protocols on the gradual

abolition of exceptions from the free trade regime. These documents laid the foundation for further economic integration within regional structures.

A free trade area is the first stage of economic integration on the way to creating an economic union. Soon after the signing of the Agreement on the Establishment of the FTA in 1994, individual countries that would later become members of the EAEU began to take steps to move toward the second stage of integration – «a customs union, the creation of which implies the development and implementation of common customs tariffs and non-tariff regulation of foreign trade, that is, the introduction of a single foreign trade policy in relation to third countries» [1]. Thus, «on January 6, 1995, Belarus and Russia reached a bilateral Agreement on the Customs Union»²⁸, which was joined by Kazakhstan on January 20,

¹⁹ Agreement on the Establishment of a Free Trade Zone of the CIS (1994). 2019. April 15. URL: [\(https://ria.ru/20190415/1552627856.html#:~:text=Agreement on the Creation of a Free Trade Zone, on the Free Trade Zone \(FTA\)\)](https://ria.ru/20190415/1552627856.html#:~:text=Agreement on the Creation of a Free Trade Zone, on the Free Trade Zone (FTA)) (accessed: 03.02.2025).

²⁰ Agreement between the Government of the Republic of Belarus and the Government of the Republic of Armenia on free trade of January 18, 2000. 2000. January 18. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=7350 (accessed: 04.02.2025).

²¹ Agreement between the Government of the Kyrgyz Republic and the Government of the Republic of Tajikistan on free trade of January 19, 2000. 2000. January 19. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=4960 (accessed: 04.02.2025).

²² Agreement between the Government of the Kyrgyz Republic and the Government of the Republic of Tajikistan on free trade of January 19, 2000. 2000. January 19. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=4960 (accessed: 04.02.2025).

²³ Agreement between the Government of the Republic of Belarus and the Government of the Republic of Azerbaijan on free trade dated March 31, 2004. 2004. March 31. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=21023 (accessed: 04.02.2025).

²⁴ Protocol on Exceptions to the Free Trade Regime to the Free Trade Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Armenia of September 30, 1992 (Moscow, October 20, 2000) (terminated on August 27, 2015). 2000. October 20. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46834/ (accessed: 04.02.2025).

²⁵ Protocol between the Government of the Republic of Belarus and the Government of the Republic of Armenia on Exceptions from the Free Trade Regime to the Agreement between the Government of the Republic of Belarus and the Government of the Republic of Armenia on Free Trade of January 18, 2000 (June 6, 2002). 2002. June 6. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=7303 (accessed: 04.02.2025).

²⁶ Protocol between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Armenia on the gradual abolition of exemptions from the free trade regime (Yerevan, January 30, 2004) (terminated on August 27, 2015). 2004. January 30. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901906977> (accessed: 03.02.2025).

²⁷ Protocol between the Government of the Republic of Belarus and the Cabinet of Ministers of Ukraine on the gradual abolition of exemptions from the free trade regime of May 21, 2004. 2004. May 21. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=i70400072> (accessed: 04.02.2025).

²⁸ Agreement on the Customs Union between the Russian Federation and the Republic of Belarus (Concluded in Minsk on 06.01.1995). 1995. 6 Jan. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15906/ (accessed: 04.02.2025).

1995: the Agreement on the Customs Union²⁹ was concluded «between the governments of Belarus and Russia, on the one side, and Kazakhstan, on the other. These documents established the distribution of customs duties, taxes and charges, the mechanism for creating the CU, as well as the conditions for introducing temporary restrictions and customs control»³⁰.

In relations between the member states of the EAEU that are parties to these agreements, the mentioned documents are applied to the extent that they do not contradict the Treaty on the EAEU of May 29, 2014. In 1996, Kyrgyzstan (now a member of the EAEU) joined the CU, and in 1999, Tajikistan followed suit.

The parties then adopted documents specifying their actions to implement the 1995 CU Agreements. For example, Priority Measures for the Further Implementation of the Agreement of January 20, 1995 on the Customs Union between the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation dated August 19, 1995³¹.

Other countries of the former USSR also began to show interest in the CU. On February 26, 1999, the Treaty on the Establishment of the Customs Union and the Single Economic Space was signed³². Additionally, Kyrgyzstan and Tajikistan joined the states of the «integration core» (Belarus, Kazakhstan and Russia). The document «established three stages of subsequent economic integration: full provision of a free trade regime, the creation of the CU, and, finally, the formation of a single economic space (hereinafter - the SES) via the

implementation of a common economic policy, the creation of a common market for services, labor and capital» [3].

Thus, after 1995, the documents signed by Russia's partner countries in the later-created EAEU consolidated the trend of «multi-speed» integration – a model in which each country moves towards closer cooperation at the pace according to its interests and capabilities. For example, Armenia, currently a member of the EAEU, did not sign documents on the creation of the CU in the 1990s, as it does not have a common border with other member states, and the purpose of the CU is to exchange goods without customs inspection. In the case of Armenia, this would have been impossible, since the goods would have to pass through the territory of a neighboring state and clear customs twice. The Armenian leadership also referred to this reason after the launch of the Eurasian Economic Community (EurAsEC) CU in 2010 «consisting of Belarus, Kazakhstan and the Russian Federation until the creation of the EAEU in 2015»³³.

MOVEMENT TOWARDS A EURASIAN ECONOMIC UNION

In order to develop economic integration, the five countries that in 1999 signed the Treaty on the Establishment of the Customs Union and the Single Economic Space decided to create a full-fledged economic organization on the basis of the CU. Thus, on March 29, 1996, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Russia signed the Treaty on Deepening Integration

²⁹ Agreement of the CIS countries of 20.01.1995 On the Customs Union. 1995. 20 Jan. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6257/ (accessed: 04.02.2025).

³⁰ Ibid

³¹ The document is mentioned in the list of agreements between the governments of the CIS member states on the CIS Internet portal. URL: https://e-cis.info/cooperation/3018/77943/?sphrase_id=62291 (accessed: 04.01.2025).

³² Treaty on the Customs Union and the Single Economic Space (signed in Moscow on 26.02.1999) (as amended on 10.10.2014). Suspended as of 31.10.2016. 1999. 26 Feb. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31914/ (accessed: 05.02.2025).

³³ Three plus one. Why does Armenia need the Customs Union? 2013. September 4. URL: <https://lenta.ru/articles/2013/09/04/join/> (accessed: 05.02.2025).

in the Economic and Humanitarian Spheres, which laid the foundation for the creation of an interstate organization³⁴. It envisaged the creation of a «Community of Integrated States» in the future by deepening cooperation in the «economic, social, political and cultural spheres while respecting the sovereignty of the parties. Tajikistan joined the Treaty in 1998».

In October 2000, on the basis of the 1996 Treaty on Deepening Integration in the Economic and Humanitarian Spheres and the 1999 Treaty on the Establishment of the Customs Union and the Single Economic Space, the Eurasian Economic Community (EurAsEC) was created with the same participants, receiving the status of an international economic organization. The Treaty on its establishment was ratified by all member states and entered into force on May 30, 2001. The main objectives of the association were the development of economic integration, the formation of the CU and the SES, as well as the coordination of the actions of the EurAsEC states in their integration into the global economy³⁵.

The Eurasian Economic Community envisaged various areas of cooperation, for example, in the field of transport. «On the eve of the First Eurasian Economic Forum (February 2003), the President of Kazakhstan N. Nazarbayev sent a message to the leaders of the member states, which contained a concept for the prospects for its development. According to N. Nazarbayev, transit corridors,

transport projects, and integration in communication services were to become priority areas of cooperation» [4]. Cooperation in the field of transport within the Eurasian Economic Community was of particular relevance for Kyrgyzstan, whose desire to break the «transport impasse» and become «a transit country with safe and popular corridors for the transit of passengers, goods, and cargo», which is still recorded in its national development strategies (for example, in the National Development Strategy for 2018–2040)³⁶.

A new impetus to the formation of the legal framework for Eurasian integration in the post-Soviet space was given by the signing of the Agreement on the Formation of a Single Economic Space by Belarus, Kazakhstan, Russia and Ukraine on September 19, 2003³⁷. The document assumed the accession of Ukraine to the Eurasian integration processes, which then refused to participate in this project [5].

Meanwhile, the «integration core» consisting of Belarus, Kazakhstan and Russia continued to deal with issues of the subsequent formation of the SES within the Eurasian Economic Community. Kyrgyzstan (like Tajikistan) did not sign the document³⁸, expressing its intention to join the formation of the SES within the Community as its economy was ready (the country proceeded from the principle of «multi-vector and multi-speed integration») [6].

At the same time, Kyrgyzstan participated in the activities of the Community in other areas:

³⁴ Treaty between the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic and the Russian Federation on Deepening Integration in the Economic and Humanitarian Spheres. 1996. March 29. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1901125> (accessed: 05.02.2025).

³⁵ Treaty on the Establishment of the Eurasian Economic Community of October 10, 2000. 2000. October 10. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901782780> (accessed: 05.02.2025).

³⁶ National Development Strategy of the Kyrgyz Republic for 2018–2040. URL: <https://stat.gov.kg/media/files/aead-c90a-809e-4bc0-81e2-41aa342aa236.docx> (accessed: 05.02.2025).

³⁷ Agreement on the formation of the Single Economic Space. 2003. September 19. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/17150> (accessed: 06.02.2025).

³⁸ The Agreement on the Formation of a Single Economic Space of September 19, 2003 was of a framework nature and did not create the EurAsEC SES.

on 10 April 2002, it ratified the Convention on the Privileges and Immunities of the Eurasian Economic Community of 31 May 2001³⁹, aimed at ensuring conditions for the effective implementation of the tasks of the Eurasian Economic Community by securing the privileges and immunities of the Eurasian Economic Community bodies, their assets and property, etc.; it ratified agreements concerning the single commodity nomenclature of the Community's foreign economic activity⁴⁰, cooperation in the field of insurance⁴¹, information exchange on border issues⁴², exchange of information between tax⁴³ and customs authorities, cooperation in the stock markets⁴⁴, etc.

Kyrgyzstan's approach to participation in the formation of the Eurasian Economic Community CU was similar: in August 2006, at the Eurasian Economic Community Interstate Council, the decision to launch the customs union of the bloc was also made by the «integration core» without its participation,

since the country was not economically ready for this step [7]. Negotiations on Kyrgyzstan's accession to the customs union started only in October 2011⁴⁵.

In October 2007, Belarus, Kazakhstan and Russia began to create the customs union of the Eurasian Economic Community. The Treaty on the Establishment of a Single Customs Territory and the Formation of the Customs Union was signed⁴⁶, creating the CU of the Community. The document required amendments to previously adopted regulatory legal acts: for example, amendments were made to the 2000 Treaty on the Establishment of the Eurasian Economic Community, according to which the Interstate Council was created as the supreme body of the CU [8]. Since July 2010, a single customs tariff has been applied on the territory of the CU member states, and in July 2011, internal customs control was lifted. The most important step that transformed the territory of Belarus, Kazakhstan and Russia into a single customs area was the transition to

³⁹ Law of the Kyrgyz Republic of April 10, 2002 No. 55 «On Ratification of the Convention on Privileges and Immunities of the Eurasian Economic Community of May 31, 2001». 2002. April 10. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-960/edition/283975/ru> (accessed: 06.02.2025).

⁴⁰ Law of the Kyrgyz Republic of December 13, 2003 No. 231 On Ratification of the Agreement on the Common Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity of the Eurasian Economic Community. 2003. December 13. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-1303/edition/284442/ru> (accessed: 13.02.2025).

⁴¹ Law of the Kyrgyz Republic of May 11, 2004 No. 59 On Ratification of the Agreement on Cooperation in the Field of Insurance within the Framework of the Eurasian Economic Community, Signed on April 27, 2003 in Dushanbe. 2004. May 11. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-1382/edition/284558/ru> (accessed: 12.02.2025).

⁴² Resolution of the Government of the Kyrgyz Republic of December 15, 2001 No. 791 On approval of the Agreement on information interaction of the member states of the Eurasian Economic Community on border issues, signed on September 14, 2001 in the city of Almaty. 2001. December 15. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/7-8040/edition/320499/ru> (accessed: 02/18/2025).

⁴³ Resolution of the Government of the Kyrgyz Republic of July 17, 2002 No. 480 On approval of the Agreement on the exchange of information between tax and customs authorities and the Agreement on customs and tax control over the production and circulation of ethyl alcohol, alcoholic, alcohol-containing and tobacco products in the territories of the member states of the Eurasian Economic Community, signed on March 30, 2002 in Almaty. 2002. July 17. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/7-8557/edition/321515/ru> (accessed: 14.02.2025).

⁴⁴ Resolution of the Government of the Kyrgyz Republic of October 25, 2004 No. 781 On approval of the Agreement on cooperation of the member states of the Eurasian Economic Community in the securities market, signed on June 18, 2004 in Astana. 2004. October 25. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/7-7263/edition/311545/ru> (accessed: 21.02.2025).

⁴⁵ Chronology of development. URL: <https://www.eaeunion.org/#about-history> (accessed: 13.02.2025).

⁴⁶ Treaty on the Establishment of a Single Customs Territory and the Formation of a Customs Union (signed in Dushanbe on 06.10.2007). 2007. October 6. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93361/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (accessed: 17.02.2025).

collecting tariffs on the import of goods from third countries at a single external customs border and the abolition of import duties on trade within the CU [6].

In 2010, Belarus, Kazakhstan and Russia expanded the legal framework for the creation of the EurAsEC Single Economic Space: in development of the provisions of the Agreement on the Formation of the Single Economic Space of September 19, 2003, the Declaration on the Formation of the Single Economic Space⁴⁷ was signed, and «17 basic international treaties were adopted, creating the basis for the beginning of the functioning of the EurAsEC (December 2010)»⁴⁸.

At that time, Armenia did not seek to participate in the CU and the EurAsEC, since it was actively developing contacts with the European Union (hereinafter referred to as the EU). Like other countries of the South Caucasus, Yerevan participated in the EU Eastern Partnership program, which implied the signing of association agreements aimed at integrating post-Soviet countries into the socio-economic space of the EU. Strengthening cooperation with European countries was also important for it in order to resolve other issues, such as opening the border with Turkey and international recognition of the Armenian Genocide in the Ottoman Empire (the latter was recorded in the Declaration of Independence of Armenia of August 23, 1990)⁴⁹. According to the former Prime Minister of Armenia T.S. Sarkisyan, Armenia's accession to the customs

union of the EurAsEC «in an economic sense... is inexpedient», so the country was looking for «forms of cooperation without the CU» [9].

Despite the fact that Armenia was negotiating with the EU about the Deep and Comprehensive Free Trade Area within the framework of the Association Agreement with the EU [9], on October 18, 2011, together with its current partners in the EAEU, as well as Moldova, Tajikistan and Ukraine, it signed the CIS Free Trade Area Agreement. Armenia became the fourth country (after Belarus, Russia and Ukraine) to ratify it (September 11, 2012). E. Sharmazanov, then the vice-speaker of Parliament from the ruling Republican Party of Armenia, called the CIS FTA agreement a very important document for the country⁵⁰.

The 2011 CIS FTA Agreement was more advanced in content than the 1994 CIS FTA Agreement and its 1999 Protocol. For example, the new document, unlike these two treaties, which only declared the GATT/WTO principles, was entirely based on the GATT and WTO principles and agreements, and also recorded all the exemptions from the free trade regime that existed at that time⁵¹. Nevertheless, these exemptions may indicate incomplete trust between the FTA member countries. At the same time, the 1994 Agreement continues to be applied in relations with those member countries for which the 2011 Agreement has not entered into force, for example, with Azerbaijan⁵².

⁴⁷ Declaration on the Formation of the Single Economic Space of the Republic of Belarus, the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation. 2010. December 9. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/802> (accessed: 19.02.2025).

⁴⁸ Chronology of development. URL: <https://www.eaeunion.org/#about-history> (accessed: 19.02.2025).

⁴⁹ Declaration of Independence of Armenia. 1990. August 23. URL: <https://www.gov.am/ru/independence/> (accessed: 26.02.2025).

⁵⁰ Armenia ratified the agreement on a free trade zone in the CIS. 2012. September 11. URL: <https://ria.ru/20120911/747621449.html> (accessed: 17.02.2025).

⁵¹ Analytical material on the Free Trade Area Agreement (as of October 31, 2011). 2011. October 31. URL: <https://cis.minsk.by/page/18968/analiticeskij-material-o-dogovore-o-zone-svobodnoj-torgovli-po-sostoianiu-na-31-oktabra-2011-g> (accessed: 06.02.2025).

⁵² Trade regimes. URL: <https://mfa.gov.by/export/traderegimes/> (accessed: 19.02.2025).

After the signing of the CIS FTA Agreement, the question arose about the relationship between the CIS FTA and the Eurasian Economic Community CU formats. If the Eurasian Economic Community CU is protectionist in nature with respect to imports of goods from third countries, since it «implies the use of mechanisms for conducting anti-dumping investigations and quotas, then the FTA implies the removal of tariff and non-tariff restrictions along with duty-free movement of goods between the CIS countries» [2].

PREPARATION FOR DEEPENING INTEGRATION

The issues of Eurasian integration in the post-Soviet area of that period were also reflected in the official documents of Russia's current partner countries in the EAEU. Thus, in the documents of Belarus, cooperation with the states of the former USSR was among the main priorities. Thus, this was noted in the National Strategy for Sustainable Socioeconomic Development for the Period up to 2020⁵³ adopted in May 2004: deepening cooperation with the integration associations of the CIS countries in the framework of the Union State of the Republic of Belarus and the Russian Federation and the EurAsEC was noted as a priority [8]. The National Security Concept approved in November 2010 contained similar provisions⁵⁴. In the Main Directions of Domestic and Foreign Policy of the Republic

of Belarus of November 14, 2005, the formation of good-neighborly relations with neighboring states was attributed to the main tasks of foreign policy⁵⁵.

In accordance with the Foreign Policy Concept of Kazakhstan [4] published in 2001, the CIS occupied the first place in the strategy of foreign economic relations (strengthening the economic union with Russia, Ukraine, Belarus, Uzbekistan and other CIS countries). At the same time, Astana characterized as the «most important area» multilateral cooperation within the framework of the Eurasian Economic Community, the Shanghai Cooperation Organization (SCO), the Collective Security Treaty Organization (CSTO) and the Conference on Interaction and Confidence-Building Measures in Asia [4].

The 2007 Foreign Policy Concept of Kyrgyzstan «proclaimed the idea of 'returning home', which implies the priority of cooperation with neighboring countries and CIS states, particularly with Russia, Kazakhstan, Uzbekistan and Tajikistan»⁵⁶.

In the 2000s, Armenia adopted documents on national security (for example, the 2007 National Security Strategy), which emphasized the importance of cooperation with post-Soviet countries within the CSTO. The possibility of preparing a foreign policy concept that could characterize interaction with foreign states in other areas (primarily the economic sphere) was discussed in 2009.

⁵³ The National Strategy for Sustainable Socioeconomic Development of the Republic of Belarus through 2020 was approved by the National Commission for Sustainable Development of the Republic of Belarus (protocol No. 11/15 PR of May 6, 2004) and the Presidium of the Council of Ministers of the Republic of Belarus (protocol No. 25 of June 22, 2004). URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/NSUR-2020.pdf> (accessed: 26.02.2025).

⁵⁴ The Concept of National Security of the Republic of Belarus (approved by the Decision of the All-Belarusian People's Assembly of 25.04.2024 No. 5). 2024. April 25. URL: https://asio.basnet.by/about/575_Ukaz_nac_bezopas.pdf (accessed: 12.02.2025).

⁵⁵ Law of the Republic of Belarus No. 60-Z (Law of the Republic of Belarus of November 14, 2005 No. 60-Z On Approval of the Main Directions of Domestic and Foreign Policy of the Republic of Belarus. 2005. November 14. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=h10500060> (accessed: 23.02.2025).

⁵⁶ Ibid

However, the country later abandoned this idea. Armenia's foreign policy priorities were based on the balance of power in the region, considering the situational aspects of its geopolitical environment. A dominant feature of Armenia's foreign policy since the 1990s has been the establishment of balanced relationships with the world's leading power centers, which is also evident in the area of economic integration. In 2008, the former speaker of the Armenian Parliament T. Torosyan stated that «the vector of Armenia's foreign policy towards Russia does not have to be revised, but the need to intensify interaction with other centers including international and regional organizations is becoming a constant» [4].

Armenia announced its intention to join the Eurasian Economic Community in 2013. «One of the main reasons why the country chose to participate in the integration projects of the post-Soviet countries was its strong dependence on Russian investment and the need to maintain the Russian market for the supply of goods» [9]. «12 agreements were signed on issues of political, economic and military cooperation between Armenia and the Russian Federation. A road map was adopted on Armenia's accession to the Eurasian Economic Community (December 2013), aimed at harmonizing its national legislation with the legal framework of the Eurasian Economic Community. In January 2014, Armenia approved the action plan set out in the road map»⁵⁷.

ESTABLISHMENT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Plans for the establishment of the Eurasian Economic Union⁵⁸ were formulated in the Declaration on Eurasian Economic Integration adopted on November 18, 2011 by Belarus, Kazakhstan and the Russian Federation. The document noted «the successful functioning of the Eurasian Economic Community Customs Union and declared the possibility of moving to the next stage of integration construction»⁶⁰. The Declaration was also mentioned in the text of the Treaty on the Eurasian Economic Union⁶¹ signed by Belarus, Kazakhstan and Russia on May 29, 2014, in accordance with which a new international organization of regional economic integration was established.

On October 10, 2014, at the Meeting of the Interstate Council of the Eurasian Economic Community, the President of Belarus A.G. Lukashenko and the President of Kazakhstan N.A. Nazarbayev noted that «the Eurasian Economic Community had fulfilled its role with dignity and served as the foundation for the CU and the EAEU, and successfully laid the foundations for the creation of the Eurasian Economic Union». Within the framework of the Community, a contractual and legal basis for multilateral cooperation was formed: 215 treaties and agreements covered areas from trade to high technology⁶². The Treaty on the Termination of the Activities of the Eurasian Economic Community was also signed. The EAEU began to function on January 1, 2015.

⁵⁷ Accession of the Republic of Armenia to the EAEU. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_razv_integr/prisoedinenie-gosudarstv-k-eaes/ra.php (accessed: 12.02.2025).

⁵⁸ The idea of creating a Eurasian Union was first voiced by the President of Kazakhstan N.A. Nazarbayev on March 29, 1994 during a speech at the Lomonosov Moscow State University.

⁵⁹ Declaration on Eurasian Economic Integration (Moscow, November 18, 2011). 2011. November 18. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902321306> (accessed: 13.02.2025).

⁶⁰ Ibid

⁶¹ Treaty on the Eurasian Economic Union (as amended on November 21, 2023) (version effective from June 7, 2024). 2014. May 29. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420205962?marker=64U0IK> (accessed: 11.02.2025).

⁶² Meeting of the Interstate Council of the Eurasian Economic Community. 2014. October 10. URL: <https://www.evrizes.com/news/view/958> (accessed: 16.02.2025).

The Treaty on the Establishment of the EAEU envisages measures to complete the formation of the CU and the SES. Despite the fact that it was initially signed only by the countries of the «integration core», Armenia (January 2, 2015) and Kyrgyzstan (August 12, 2015) soon joined it. In 2013, Armenia, along with its desire to join the CU and the SES, also declared its readiness to participate in the formation of the Eurasian Union [7]. On October 10, 2014, the Treaty on Armenia's Accession to the EAEU was signed.

There have been long-standing discussions in Kyrgyzstan about the necessity of joining the EAEU. The country was pushed to join the platform by worsening economic problems, including the slowdown in economic growth. Kyrgyzstan took into account the significant scale of labor migration to Russia, which affected its socio-economic stability, as well as the volume of economic aid coming from Russia [10].

Bishkek announced its readiness to begin the process of joining the CU and the EurAsEC SES earlier than Armenia, in April 2011. On May 12, 2014, the final version of the draft road map was agreed upon and approved on May 29. It envisaged, firstly, the harmonization of Kyrgyzstan's national legislation with

the CU legal framework and, secondly, bringing the country's customs infrastructure facilities in line with CU requirements (in the case of Armenia, the road map only covered the first point). The Kyrgyz leadership demonstrated a desire to conclude the accession agreement by the end of 2014, and this agreement was signed on December 23, 2014⁶⁶.

Subsequently, the treaties on the accession of Armenia and Kyrgyzstan to the EAEU were amended by adopting the relevant protocols^{67,68}.

DOCUMENTS OF THE EAEU MEMBER STATES

Participation in the EAEU was reflected in the national documents of the member states, especially after the establishment of the integration association.

During the 2010s, the Republic of Belarus did not adopt a separate foreign policy concept: the main goals of the country's external affairs are enshrined in the Law On Approval of the Main Directions of Domestic and Foreign Policy of 2005. In 2021 the Ministry of Foreign Affairs of Belarus announced the plans to develop a new concept of the country's foreign policy⁶⁹. In accordance with the «National Security Concept of the Republic of

⁶³ Treaty on the Termination of the Activities of the Eurasian Economic Community (Minsk, October 10, 2014). 2014. October 10. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420227082> (accessed: 19.02.2025).

⁶⁴ Treaty on the Accession of the Republic of Armenia to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 (Signed in Minsk on October 10, 2014) (as amended on April 14, 2020). 2014. October 10. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169854/ (accessed: 27.02.2025).

⁶⁵ Treaty on the accession of the Kyrgyz Republic to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 (Signed in Moscow on December 23, 2014) (as amended on October 1, 2019). 2014. December 23. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172976/0be36c1fcadd0cdd1f8c0984ef99fbc7d8da61b9/ (accessed: 28.02.2025).

⁶⁶ Accession of the Kyrgyz Republic to the EAEU. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dep_razv_integr/prisoedinenie-gosudarstv-k-eaes/kr.php (accessed: 14.02.2025).

⁶⁷ Protocol on Amendments to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 in Connection with the Accession of the Kyrgyz Republic thereto (Signed in Nur-Sultan on May 29, 2019). No longer in force. 2019. May 29. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325811/ (accessed: 17.02.2025).

⁶⁸ Protocol of 14.04.2020 On Amendments to the Treaty on the Accession of the Republic of Armenia to the Treaty on the Eurasian Economic Union of May 29, 2014 dated October 10, 2014. 2020. April 14. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350402/ (accessed: 19.02.2025).

⁶⁹ The Ministry of Foreign Affairs intends to develop a new concept of Belarus's foreign policy. 2021. 11 Feb. URL: <https://belta.by/politics/view/mid-nameren-razrabotat-novuju-kontseptsiju-vneshnej-politiki-belarusi-428274-2021/> (accessed: 03.02.2025).

Belarus» of 2024⁷⁰, «strategic partnership and special relations with friendly states, deepening Eurasian integration» are attributed to the main national interests in the political sphere.

In the Concept of Foreign Policy of the Republic of Kazakhstan for 2020–2030⁷¹, «continuation of close cooperation with the EAEU member states in the areas established by the Treaty on the EAEU» and «optimization of approaches to the negotiation process within the EAEU in order to fully take into account the long-term national interests of Kazakhstan» are attributed to the «priorities in the field of regional and multilateral diplomacy»⁷². The Strategic Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2025⁷³ sets out the country's development priorities. One of them – «export promotion and diversification» – is planned to be achieved through «orientation of the manufacturing industry and services towards export, primarily within the EAEU».

In the Foreign Policy Concept of Kyrgyzstan⁷⁴ (2019) the EAEU is the second (only after the UN) in the list of organizations within which the country intends to develop active cooperation to solve socio-economic issues. In the National Development Strategy for 2018–2040⁷⁵, the EAEU is mentioned 20 times:

according to the document, Kyrgyzstan faces the task of increasing its own competitiveness compared to other members of the Union in various areas of the economy.

The 2020 National Security Strategy of Armenia⁷⁶ states: «by attaching great importance to the integration processes taking place within the EAEU, Armenia demonstrates active and proactive participation in the development of the structure, and also, through cooperation between key economies and economic units of other regions and the EAEU, expands the opportunities for international economic cooperation of Armenia»⁷⁷.

During the establishment of the EAEU, the member countries approved the principles of its further development. At the end of 2020, the Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025 were defined. They include, among other things, the transition of the Union to an innovative development path (increasing investment activity and modernizing the economies of the member states based on a new technological order), activating and building up scientific and technical potential (developing joint innovation programs), stopping the outflow of labor resources outside the Union,

⁷⁰ Decision of the All-Belarusian People's Assembly of April 25, 2024 No. 5 On Approval of the National Security Concept of the Republic of Belarus. 2024. April 25. URL: https://www.mil.by/ru/military_policy/basic/Концепция%20НБ.pdf (accessed: 07.02.2025).

⁷¹ The Foreign Policy Concept of the Republic of Kazakhstan for 2020–2030 (approved by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated March 6, 2020, No. 280). 2020. March 6. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstan-na-2020-2030-gody (accessed: 11.02.2025).

⁷² Ibid

⁷³ Strategic Development Plan of the Republic of Kazakhstan until 2025 (approved by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated February 15, 2018 No. 63). URL: <https://primeminister.kz/ru/documents/gosprograms/stratplan-2025> (accessed: 25.02.2025).

⁷⁴ The Concept of Foreign Policy of the Kyrgyz Republic (to the Decree of the President of the Kyrgyz Republic of March 11, 2019 UP N 37). 2019. March 11. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/430045/edition/949067/ru> (accessed: 24.02.2025).

⁷⁵ National Development Strategy of the Kyrgyz Republic for 2018–2040. URL: <https://stat.gov.kg/media/files/aeadc90a-809e-4bc0-81e2-41aa342aa236.docx> (accessed: 13.02.2025).

⁷⁶ National Security Strategy of the Republic of Armenia. A Resilient Armenia in a Changing World. URL: <https://www.mfa.am/filemanager/security%20and%20defense/Armenia%202020%20National%20Security%20Strategy.pdf> (accessed: 13.02.2025).

⁷⁷ Ibid

increasing energy conservation and energy efficiency (it is assumed to combine efforts to create and use new technologies and innovations, including green technologies), expanding the Union⁷⁸ and intensifying economic cooperation with foreign countries and international organizations (including the alignment of the Union and the Chinese Belt and Road Initiative, strengthening interaction within the SCO)⁷⁹.

On December 25, 2023, the heads of state of the EAEU signed the Declaration on the further development of economic processes within the EAEU until 2030 and for the period until 2045 - Eurasian Economic Path⁸⁰. The document set the objectives of the integration association for the medium term until 2030 on the path to transforming the EAEU by 2045 «into a self-sufficient, harmoniously developed and attractive macro-region for all countries of the world, possessing economic, technological and intellectual leadership and maintaining a high level of well-being of the population in the member states». The Declaration defines six areas of cooperation: «providing the common market with key goods and resources and its effective functioning; formation of a common space of cooperative interaction and cooperation in the field of technological development; formation of a common transport and logistics space; formation of a common financial market; development of economic cooperation in areas with integration potential;

functioning of the EAEU as a platform of economic attraction in the international arena»⁸¹.

The Supreme Eurasian Economic Council approved the decision On the Main Directions of International Activities of the Eurasian Economic Union for 2025⁸² on December 26, 2024. The following goals are among the priority areas: «intensifying interaction with CIS states that are not members of the Union, as well as with other countries striving for equal and constructive partnership; developing a systemic dialogue with key integration and interstate associations of Eurasia (SCO, ASEAN); increasing the Union's transport connectivity with actively developing markets of third countries through the development of Eurasian transport corridors and their integration with multilateral international projects, etc.»⁸³.

CONCLUSION

Современные Thus, the Eurasian integration in the post-Soviet area is developing through a gradual deepening of cooperation between the participating countries, as evidenced by the documents they have adopted at both the international and national levels. Belarus, in its domestic strategies, emphasizes the priority of deepening integration within the EAEU and the Union State. Kazakhstan focuses on strengthening economic ties within the EAEU and forming a common market. Kyrgyzstan sets the task of

⁷⁸ As of January 2025, the following countries are observers of the EAEU: Moldova (since 2018), Cuba (since 2020), Uzbekistan (since 2020) and Iran (since 2024).

⁷⁹ Decision of the Supreme Eurasian Economic Council of 11.12.2020 No. 12 On the Strategic Directions for the Development of Eurasian Economic Integration until 2025. 2020. December 11. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375194/ (accessed: 13.02.2025).

⁸⁰ Declaration on the further development of economic processes within the EAEU until 2030 and for the period up to 2045 - Eurasian Economic Path. 2023. 25 Dec. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01443175/ms_26122023 (accessed: 15.02.2025).

⁸¹ Ibid

⁸² Decision of the Council of the Eurasian Economic Commission of October 18, 2024 No. 89 On the draft decision of the Supreme Eurasian Economic Council On the Main Directions of International Activities of the Eurasian Economic Union for 2025. 2024. October 18. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/24sr0089/> (accessed: 13.02.2025).

⁸³ Ibid

increasing competitiveness within the Union, emphasizing the importance of participation in the platform for solving transport and economic problems. Armenia, demonstrating a multi-vector approach, initially sought to cooperate with the EU, but later chose

the integration projects of the former USSR countries, which is confirmed by its participation in the EAEU. These examples show the multi-speed nature of integration, reflecting the national interests and priorities of the countries [11].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андропова И.В. Эволюция интеграционных процессов на постсоветском пространстве. *Вестник РУДН. Серия: Экономика*. 2012;5:74.
2. Бурганова И.Н. Соглашение о зоне свободной торговли и его роль в процессе взаимодействия государств-участников СНГ. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2012;1(15):39.
3. Бахлова О.В. Концептуальные и договорно-правовые основы политики России в области экономической интеграции на пространстве СНГ в 1990-е гг. *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2017;2(38):30.
4. Дегтерев Д. А. Внешняя политика стран СНГ. Москва: Аспект Пресс; 2019. С. 25–26.
5. Жильцов С.С. Украина: перезагрузка. Москва: Восток-Запад; 2009. 463 с.
6. Современные международные отношения: эпоха перемен. Отв. ред.: В.И. Фрадкова, П.Ю. Цветов, Т.А. Закаурцева. Москва: ИД «Городец»; 2024. С. 225.
7. Аналитический доклад «Сценарии интеграционного развития евразийского пространства: перспектива-2025» / Аршинов Ю.Е., Жолдасбекова А.Н., Кузьмина Е.М., Лапенко М.В., Немчинова Т.С., Оспанова А.Н., Шенин А.С. Саратов: 2018. С. 8.
8. Жильцов С.С. Внешняя и внутренняя политика стран постсоветского пространства. Москва: Квант Медиа; 2023. С. 29.
9. Евсеев В.В., Харитонов Д.В. Трудный путь Армении к Евразийскому экономическому союзу. *Обозреватель – Observer*. 2016;10(321):32–33.
10. Жильцов С.С. Постсоветское пространство: итоги развития и новая конфигурация. *Центральная Азия и Кавказ*. 2018;21(3):7–19.
11. Неймарк М.А. Украина в фокусе противостояния американоцентричного Запада против России. *Проблемы постсоветского пространства*. 2025;12(1):20-29. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-1-20-29>

REFERENCES:

1. Andronova I.V. Evolution of integration processes in the Post-Soviet Space. *Bulletin of RUDN. Series: Economy*. 2012;5:74 (In Russ.)
2. Burchanova I.N. Agreement on open free trade and its role in the process of interaction of the CIS member states. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theory and practice Issues*. 2012;1(15): 39 (In Russ.).
3. Bahlova O.V. Conceptual and contractual-legal foundations of Russia's policy in the field of economic cooperation in the near abroad in the 1990s. *Humanitarian: current problems of humanitarian science and education*. 2017;2(38):30 (In Russ.).

4. Degtyarev D.A. Foreign policy of the CIS countries. Moscow: Aspect Press; 2019. P. 25–26 (In Russ.).
5. Zhiltsov S.S. Ukraine: reboot. Moscow: Vostok-Zapad; 2009. 463 p.
6. Modern conditions are developing: eras of change. Responsible. editors: V.I. Fradkova, P.Yu. Tsvetkov, T.A. Zakaurtseva. Moscow: Publishing House «Gorodets»; 2024. P. 225 (In Russ.).
7. Analytical report «Scenarios for the integration development of the Eurasian space: prospect-2025». Arshinov Yu.E., Zholdasbekova A.N., Kuzmina E.M., Lapenko M.V., Nemch«nova T.S., Ospanova A.N., Shenin A.S. Saratov: 2018. P. 8 (In Russ.).
8. Zhiltsov S.S. Foreign and domestic policy of the post-Soviet countries. Moscow: Quantum Media; 2023. P. 29 (In Russ.).
9. Evseev V.V., Kharitonova D.V. Armenia's difficult path to the Eurasian Union. *Observer – Observer*. 2016;10(321):32-33 (In Russ.).
10. Zhiltsov, S.S. Post-Soviet space: results of development and new form. *Central Asia and the Caucasus*. 2018;21(3):7-19 (In Russ.).
11. Neimark M.A. Ukraine in the Focus of the Confrontation between the American-Centric West and Russia. *Post-Soviet Issues*. 2025;12(1):20-29. (In Russ.) <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-1-20-29>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей С. Жильцов

Доктор политических наук,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва, Россия;
119021, Россия, Москва, ул. Остоженка
53/2, стр. 1;
serg.serg56@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov

Doctor of Political Sciences,
Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow, Russia; 53/2,
b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia;
serg.serg56@mail.ru

Сотрудничество в области безопасности между Китаем и Россией в условиях становления полицентричного мирового порядка

Чжунянь Цзи, Олег Е. Гришин

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия,
1042245048@pfur.ru, grishin_oe@pfur.ru

Аннотация: в статье рассматриваются ключевые особенности российско-китайского сотрудничества в области безопасности в условиях становления полицентричного мирового порядка. На фоне усиления международной нестабильности и роста глобальных угроз взаимодействие между Россией и Китаем приобретает всё большее значение, становясь основным фактором обеспечения устойчивости и безопасности как на региональном, так и на глобальном уровнях. Особое внимание уделяется политическому взаимному доверию как основе стабильности и безопасности, а также многоаспектному взаимодействию в таких сферах, как экономическая, энергетическая, продовольственная и военная безопасность. Российско-китайское сотрудничество сталкивается с рядом вызовов, включая международное давление, вызванное гегемонистскими устремлениями ряда западных стран, ухудшение глобальной безопасности и экономическое неравенство между Россией и Китаем. Кроме того, различия в региональных интересах двух стран в таких регионах, как Центральная Азия, Восточная Азия и Южная Азия, могут осложнить совместные усилия по решению ключевых глобальных и региональных вопросов.

Ключевые слова: Россия, Китай, сотрудничество, безопасность, мировой порядок, Организация Объединенных Наций, Шанхайская организация сотрудничества, БРИКС

Для цитирования: Цзи Ч., Гришин О.Е. Сотрудничество в области безопасности между Китаем и Россией в условиях становления полицентричного мирового порядка. *Проблемы постсоветского пространства*. 2025;12(2):151-164. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-2-151-164>

Поступила 07.02.2025

Принята в печать 19.05.2025

Опубликована 30.06.2025

Security Cooperation between China and Russia in the Context of the Emerging Polycentric World Order

Zhuyan Ji, Oleg E. Grishin

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia,

1042245048@pfur.ru, grishin_oe@pfur.ru

Abstract: The article analyzes the key features of Russia-China cooperation in the field of security within the context of the emerging polycentric world order. Amid growing international instability and the escalation of global threats, Russia-China cooperation is becoming increasingly significant as a key factor for ensuring regional and global stability and security. The study focuses on political mutual trust as the cornerstone of stability and examines multifaceted collaboration in areas such as economic, energy, food, and military security. However, Russia-China cooperation faces significant challenges, including international pressure driven by the hegemonic policies of certain Western countries, the deterioration of the global security environment, and economic asymmetries between the two countries. Additionally, diverging regional interests in Central Asia, East Asia, and South Asia may pose obstacles to joint efforts in addressing critical global and regional issues.

Key words: Russia, China, cooperation, security, world order, United Nations, Shanghai Cooperation Organization, BRICS

For citation: Ji Z., Grishin O.E. Security Cooperation between China and Russia in the Context of the Emerging Polycentric World Order. *Post-Soviet Issues*. 2025;12(2):151-164. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2025-12-2-151-164>

Received 07.02.2025

Revised 19.05.2025

Published 30.06.2025

ВВЕДЕНИЕ

Конкуренция и противостояние крупных держав продолжают усиливаться, что оказывает значительное воздействие на региональную и глобальную безопасность, вызывая резкое увеличение степени нестабильности в отдельных странах и регионах. В условиях всё более сложной международной безопасности российско-китайское сотрудничество опирается не только на исторические корни и экономические связи, но и на стремление обеих сторон к укреплению становления

полицентричности и справедливости в международных делах.

С момента установления дипломатических отношений между Россией и Китаем сотрудничество в сфере безопасности всегда занимало приоритетное место, оставаясь стержневой точкой пересечения интересов двух стран. Обе страны углубляют координацию и взаимодействие в сфере глобальной безопасности через внешнеполитические организации, такие как ООН, ШОС, БРИКС и другие, что предоставляет

широкие возможности для укрепления взаимодействия, особенно в таких стратегически важных сферах, включая противодействие терроризму, обеспечение экономической и энергетической стабильности. С помощью политических механизмов Китай и Россия занимают ключевые позиции в укреплении справедливого и стабильного мирового порядка, закладывая прочную основу для решения глобальных вопросов безопасности.

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ

Сотрудничество между Россией и Китаем в области безопасности стабильно развивается в рамках политического взаимодействия. С развитием взаимного доверия безопасность приобретает всё большую значимость в двусторонних отношениях, особенно на фоне актуальных глобальных и региональных угроз. В ответ на эти вызовы Россия и Китай активно усиливают политическую и военную координацию, что помогает более эффективно справляться с современными вызовами в области безопасности.

21 марта 2023 года президент России В.В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин подписали совместное заявление об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия [1]. В документе системно изложены ключевые моменты и совместные задачи для дальнейшего углубления стратегического сотрудничества на двустороннем, многостороннем, глобальном и региональном уровнях. Переход от «дружеских отношений» к «всестороннему стратегическому партнёрству» подтверждает политическое взаимное доверие, которое

гарантирует устойчивое развитие двусторонних отношений.

Китай и Россия ставят национальную безопасность на первое место, сочетая её с экономическим и социальным развитием, при этом особое внимание уделяется «безопасности народа». Они также подчёркивают многогранность национальной безопасности. Оба государства акцентируют внимание на защите традиционных культур и социальных ценностей, показывая высокую степень согласованности в реакции на внешнее культурное влияние и идеологическое воздействие. Оба выступают против западной идеологической экспансии и пропагандируют создание более справедливого и равноправного мирового порядка.

Россия и Китай поддерживают усиление коллективной системы безопасности через многостороннее сотрудничество, а также стремятся к укреплению глобального управления безопасностью посредством диалога, консультаций и совместных усилий. В области региональной безопасности обе страны имеют общие цели и придают важное значение борьбе с терроризмом, рассматривая совместную борьбу с транснациональным терроризмом как важнейшую задачу. Особое внимание уделяется антитеррористическому сотрудничеству в Центральной Азии и на глобальном уровне.

Углубление российско-китайского сотрудничества в сфере безопасности опирается на растущее политическое взаимодействие между двумя странами и базируется на отношениях всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, что способствует тесной координации в различных областях безопасности [2].

Сотрудничество между Россией и Китаем в области безопасности охватывает

несколько ключевых направлений. Страны поддерживают долговременные связи в области военной и оборонной безопасности, укрепляя способность к совместным операциям через совместные учения и обмен в сфере оборонных технологий. В дополнение к этому сотрудничество включает такие области, как кибербезопасность, борьба с терроризмом, управление границами и энергетическая безопасность.

Военно-политическое сотрудничество уже стало неотъемлемой частью регулярных встреч глав государств. Россия и Китай наладили механизм встреч министров обороны и стратегических консультаций генеральных штабов, создали рабочую группу по противодействию терроризму. Полномасштабное сотрудничество между вооружёнными силами двух стран основано на стратегическом согласии, включает совместные учения и тактическое взаимодействие, что демонстрирует позитивную и стабильную динамику развития. Россия и Китай усилили обмен разведывательной информацией и координацию антитеррористических действий, совместно борются с транснациональной преступностью и незаконной миграцией, противостоят терроризму, сепаратизму и экстремизму, обеспечивая долгосрочную безопасность на общих границах. Энергетическое сотрудничество тоже является важной частью стратегического взаимодействия двух стран. Россия и Китай широко взаимодействуют в таких областях, как атомная энергетика, быстрые реакторы, ядерное топливо и ядерные технологии, что способствует обеспечению стабильного энергетического снабжения и технологической поддержке.

Такое всестороннее и многогранное сотрудничество способствует укреплению региональной безопасности и формированию основы для устойчивого глобального

порядка, отражая глубину и масштаб российско-китайского взаимодействия в области безопасности.

Сотрудничество между Россией и Китаем в области безопасности отличается долгосрочностью и устойчивостью. Оно направлено не только на решение текущих проблем безопасности, к тому же на подготовку к изменениям в будущей безопасности. Страны создали постоянные механизмы диалога и структуры для сотрудничества, что обеспечило прочную основу для дальнейшего взаимодействия. Стратегическое сотрудничество двух стран не имеет запретных тем, и были установлены высокоуровневые механизмы взаимодействия, такие как ежегодные встречи глав государств, регулярные встречи премьер-министров, сотрудничество законодательных органов, а также механизмы стратегических консультаций по безопасности и правопорядку. Эти механизмы продолжают развиваться, принося новые результаты.

Таким образом, институционализованные механизмы безопасности обеспечивают стабильность сотрудничества России и Китая в области безопасности, предоставляя пространство для гибкой адаптации к изменяющимся международным условиям. Эта модель взаимодействия не только решает текущие проблемы, но при этом создает потенциал для устойчивого развития и эффективного реагирования на возможные общие угрозы в будущем.

ПРАКТИКА И ВЗАИМОВЫГОДНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Опе Интересы России и Китая взаимосвязаны, а их сотрудничество в области безопасности углубляется. На таких международных многосторонних платформах, как Организация Объединённых Наций,

Шанхайская организация сотрудничества и БРИКС, обе страны активно координируют свои усилия, укрепляя сотрудничество в таких областях, как борьба с терроризмом, изменение климата, экономическая, энергетическая и продовольственная безопасность.

В рамках Организации Объединённых Наций Россия и Китай, являясь постоянными членами Совета Безопасности ООН, активно используют механизмы Совета для продвижения решений ключевых глобальных вопросов безопасности. Например, в контексте сирийского кризиса Китай акцентирует внимание на решении проблемы в рамках ООН посредством резолюций, совместных действий или укрепления потенциала соответствующих стран с использованием косвенных и мирных методов [3, с. 183]. Необходимо отметить, что понимание российскими политиками, дипломатами и учеными необходимости разработки теории многополярности (полицентричности) возникло из кризисной ситуации [4, с. 13]. После распада Советского Союза крах марксизма привел к глубокому политическому, экономическому и социальному кризису в России. Негативные последствия внешне ориентированных экономических реформ заставили российское руководство осознать, что однополярный мировой порядок не может обеспечить защиту национальных интересов страны. В ходе Косовской войны и Иракской войны односторонние действия, проводимые Западом с обходом ООН, подрывали права России на высказывание и ущемляли ее интересы, ослабив ее позицию в международных делах. Для России полицентричность является не только концепцией, направленной на сохранение международного порядка, но и стратегическим инструментом для укрепления статуса великой державы,

поддержания стабильности в Евразийском регионе и расширения своего влияния на глобальной арене. Россия, в свою очередь, намерена использовать принудительное военное вмешательство для поддержки сирийского правительства Асада в борьбе с оппозицией и ликвидации террористических организаций, таких как «Исламское государство», с целью защиты своих геополитических интересов на Ближнем Востоке [4]. В стратегии отражена суть полицентричности как становления центров, не подверженных диктату западных государств. Несмотря на различия в позициях Китая и России по вопросам глобального управления - если Китай акцентирует внимание на усилении экономического сотрудничества с другими странами и защите экономической безопасности, а Россия сосредотачивается на балансировании региональных военных сил, обеспечении своей военной безопасности и расширении политического влияния — между ними нет фундаментальных противоречий в региональной стратегии. Оба государства являются бенефициарами безопасности на Ближнем Востоке.

С момента начала сирийского конфликта в 2011 году Россия и Китай не раз блокировали в Совете Безопасности ООН проекты резолюций, призывающих к одностороннему военному вмешательству, предотвращая эскалацию насилия. Обе страны выступили с призывом к сторонам конфликта в Сирии как можно скорее прекратить вооружённое противостояние, начать внутренний диалог и переговоры на основе Женевских конвенций, с целью достижения долгосрочного политического урегулирования, соответствующего воле сирийского народа. Россия и Китай также совместно предложили в рамках Совета Безопасности ООН гуманитарную

помощь, чтобы обеспечить её направленность на нужды гражданского населения, гарантировать её прозрачность и эффективность, а также противостояли попыткам связать помощь с политическими целями. Через многократные консультации обе страны содействовали достижениям согласия среди основных заинтересованных сторон относительно формирования Конституционного комитета Сирии. В 2018 году, на встрече в Сочи, Россия, предложившая проведение Конгресса национального диалога Сирии, также представила инициативу по созданию Конституционного комитета. Китай активно поддержал это предложение. После Сочинской конференции Советом Безопасности ООН была принята резолюция, которая создала юридическую основу для формирования Конституционного комитета.

Восстановление инфраструктуры, разработка энергетических ресурсов и реализация ключевых проектов, таких как строительство дорог и портов, потребуют значительных капиталовложений и технологий. Инициатива Китая «Пояс и путь» в значительной степени соответствует потребностям в реконструкции Сирии, и многие китайские компании проявляют активное намерение участвовать в этих проектах. Это выгодно не только китайским предприятиям с точки зрения расширения рынков и увеличения инвестиций, но и способствует усилению экономического влияния Китая на Ближнем Востоке. Стабильность Сирии обеспечит защиту китайских инвестиций в этом регионе и откроет возможности для углубления стратегического сотрудничества Китая с другими арабскими странами, что будет способствовать укреплению и расширению его геополитического влияния в регионе.

Для России политическое и военное влияние на Ближнем Востоке значительно

возросло, и она стала важным партнёром для стран региона в вопросах безопасности. В ходе сирийского конфликта стратегические действия России не только способствовали укреплению сирийского правительства, но и существенно повысили её авторитет в регионе, создавая основы для дальнейшего сотрудничества с такими странами, как Иран и Турция. Сирия стала ключевой опорой России в регионе, укрепив её позиции на международной арене. Послевоенное восстановление Сирии и разведка энергетических ресурсов открыли России новые экономические возможности. Подписав контракты с сирийским правительством на разработку нефти, газа и полезных ископаемых, российские энергетические компании получили доступ к богатым ресурсам.

В вопросе ядерной безопасности, в начале 2022 года, Россия и Китай совместно инициировали принятие «Совместного заявления лидеров пяти ядерных держав о предотвращении ядерной войны и недопущении гонки вооружений». В заявлении подчеркивается стремление обеих стран работать с другими государствами для создания атмосферы безопасности, более благоприятной для прогресса в сфере разоружения, с конечной целью построения мира, свободного от ядерного оружия, без ущерба для безопасности какой-либо из стран. Для обеих стран обеспечение стабильности в международной безопасности является не только важным фактором, но и ключевой гарантией их дальнейшего национального развития.

В рамках Шанхайской организации сотрудничества Россия и Китай динамично способствуют развитию многостороннего регионального сотрудничества в области безопасности, добиваясь ряда практических результатов. Благодаря усилиям обеих стран в ШОС был создан

многоуровневый механизм безопасности, включающий саммиты глав государств, региональное антитеррористическое учреждение и механизмы взаимодействия между руководителями соответствующих ведомств, что обеспечивает эффективную реализацию различных аспектов безопасности [5]. С 2005 года Россия и Китай проводят совместные военные учения «Мирная миссия» каждые два года. Эти учения направлены на повышение военной координации и способности к совместным антитеррористическим действиям среди стран-членов ШОС. Например, учения «Мирная миссия-2021» прошли на полигоне Восточный Гуз в Оренбургской области России, где отрабатывались совместные действия по подготовке и проведению антитеррористической операции силами вооружённых сил стран-членов ШОС [6].

В области энергетической безопасности государства-члены ШОС регулярно проводят встречи, посвященные вопросам энергетического сотрудничества. Россия и Китай, обменявшись опытом, способствовали оптимизации распределения энергетических ресурсов и реализации совместных проектов. Платформы, такие как встречи министров энергетики и рабочие группы, стали важными каналами для укрепления сотрудничества в области энергетической безопасности среди стран-членов ШОС.

Совместно строя инфраструктуру для транспортировки энергии, Россия и Китай обеспечивают бесперебойность и безопасность энергетических поставок. 21 мая 2014 года Россия и Китай подписали соглашение о сотрудничестве в области газового сектора, касающееся Восточного газопровода — газопровода «Сила Сибири». Вице-премьер российского правительства Александр Новак

ранее подтвердил планы по отгрузке в КНР 30 млрд кубометров газа с последующим увеличением в 2025 году до 38 млрд кубометров. По итогам 2023 года «Газпром» уже нарастил отгрузки в Китай через «Силу Сибири» в 1,5 раза до 22,7 млрд кубометров [7]. Этот проект способствует диверсификации и балансировке энергетического экспорта России, снижая зависимость от европейского рынка, увеличивая влияние на азиатский рынок и повышая доходность, что укрепляет позиции России как энергетической державы. Газопровод «Сила Сибири», использующий наземный маршрут, обладает большей степенью безопасности по сравнению с морскими трубопроводами. Природный газ как источник чистой энергии играет ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности Китая. Китай, будучи крупным потребителем энергии, имеет значительные запасы угля, но страдает от дефицита нефти и газа, а также сильно зависит от внешних поставок. С точки зрения экономической структуры, развитие китайской промышленности и ресурсозависимость российской экономики имеют естественное соответствие. Энергетическая разведка и добыча являются капиталоемкими и технологически сложными отраслями, и России необходимо активно искать сотрудничество с государствами, которые имеют высокий спрос на энергоресурсы, а также обладают финансовыми и технологическими возможностями. Сотрудничество между Россией и Китаем может привести к взаимной выгоде, способствуя решению энергетических проблем Китая и повышению стабильности и надежности производства и экспорта энергоресурсов России.

ШОС в последние годы уделяет все большее внимание вопросам продовольственной безопасности. В рамках ШОС Россия

и Китай усиливают сотрудничество в области сельскохозяйственных технологий, способствуя обмену знаниями в таких сферах, как семеноводство и сельскохозяйственное производство, с целью повышения продовольственной производительности стран региона. В последние годы в рамках ШОС проводятся регулярные заседания, посвященные продовольственной безопасности, на которых обсуждаются влияния таких факторов, как изменение климата и колебания мировых продовольственных рынков, на глобальную продовольственную безопасность. Россия и Китай также содействовали созданию рабочей группы по сельскому хозяйству в рамках ШОС, что позволило укрепить сельскохозяйственное производство и повысить уровень продовольственной самообеспеченности стран региона, а также улучшить стабильность продовольственных цепочек. В условиях растущего спроса Китая на продовольственные импортные поставки Россия, обладая обширными территориями и богатыми сельскохозяйственными ресурсами, стала надежным источником продовольствия для Китая. Россия невероятными темпами наращивает экспорт продовольствия в Китай. Он растет в разы как в тоннах, так и в деньгах. В 2023 году рост российского экспорта продовольствия на китайский рынок – более чем в полтора раза, до 7,6 млрд долларов [8]. В 2024 году объем экспорта продовольствия из России в Китай увеличился, особенно в областях пшеницы и ячменя. Это сотрудничество не только обеспечило продовольственную безопасность Китая, но и открыло новые рынки для российских сельскохозяйственных товаров, таких как пшеница и соя, усиливая способность обеих стран противостоять рискам продовольственной безопасности.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БРИКС

Страны БРИКС внесли значительный вклад в развитие глобальной полицентричности, особенно в таких областях, как финансы, торговля и энергетическая безопасность. В Казанской декларации, принятой на 16-м саммите глав государств БРИКС, отмечается: «Мы выражаем глубокую обеспокоенность разрушительным воздействием незаконных односторонних принудительных мер, включая санкции, на мировую экономику, международную торговлю и реализацию целей устойчивого развития. Эти меры подрывают Устав ООН, многостороннюю торговую систему, соглашения в области устойчивого развития и охраны окружающей среды, а также негативно сказываются на экономическом росте, энергетике, здравоохранении и продовольственной безопасности, усугубляя бедность и экологические проблемы» [9]. С учетом усложнения глобальной политико-экономической ситуации Россия и Китай продолжают углублять координацию в рамках БРИКС для преодоления международных санкций и экономических ограничений.

С целью сокращения зависимости от доллара и минимизации рисков, связанных с валютными колебаниями, Россия и Китай внедряют механизмы расчетов в национальных валютах. Россия также стремится создать новую платёжную систему для обхода санкций США и расширяет торговлю с другими странами, опираясь на расчёты в национальных валютах. Двусторонние расчеты практически полностью переведены в национальные валюты - на рубль и юань. Сейчас их доля достигла 95% [10]. Традиционные системы трансграничных платежей сталкиваются с проблемами высокой стоимости, низкой эффективности, недостаточной

прозрачности в сделках и высокими рисками безопасности. Президент РФ Владимир Путин анонсировал создание в БРИКС платёжно-расчётного контура. Об этом он сказал пленарном заседании международного форума «Российская энергетическая неделя» (РЭН) [11]. Эта система предполагает создание альтернативы существующим финансовым системам, таким как SWIFT, и направлена на улучшение условий для трансграничных платежей и расчётов.

Этот шаг способствует увеличению использования национальных валют в региональной торговле и инвестициях, а также постепенному созданию более автономной финансовой системы.

Политика идентичности является одним из факторов, на основе которых США принимают и реализуют технологические санкции против Китая. 22–23 февраля 2024 года США, ЕС и Великобритания ввели санкции против нескольких китайских компаний, ссылаясь на их «связи с Россией» [12].

Это вынуждает Россию и Китай увеличивать инвестиции в развитие собственных ресурсов, повышать уровень самообеспеченности и снижать зависимость от западных технологий. Американская стратегия в Индо-Тихоокеанском регионе направлена на усиление контроля над этим важнейшим экономическим и стратегическим регионом с целью сдерживания роста Китая, а также на ограничение влияния России в регионе. США усиливают военное сотрудничество с Австралией, Японией, Индией и другими странами, формируя так называемый «анти-российско-китайский альянс». Эта сдерживающая стратегия не только ограничивает стратегическую свободу действий России и Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и непосредственно угрожает их региональным интересам в области безопасности.

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

Конфликт между Россией и Украиной, начавшийся в феврале 2022 года, стал важным поворотным моментом в глобальной безопасности. Антироссийская позиция Запада усилила глобальные расколы и противопоставления, поставив Россию и Китай перед новыми вызовами и дипломатической изоляцией на международной арене. Исключение России из ряда международных организаций осложнило сотрудничество двух стран, особенно в контексте глобального управления безопасностью, где их влияние ослабло, а гибкость и эффективность совместных усилий были ограничены.

Хотя Шанхайская организация сотрудничества, как многосторонняя платформа, ориентированная на региональную безопасность и сотрудничество, предоставила России и Китаю значительные возможности для взаимодействия, на фоне российско-украинского конфликта внутри организации начали проявляться расхождения в позициях. Некоторые государства-члены, опасаясь возможных санкций, начали проявлять осторожность в отношениях с Россией, что ослабило сплоченность и координацию в рамках ШОС, ограничив её роль в решении региональных проблем безопасности. Официальная позиция России по Шанхайской организации сотрудничества является позитивной, однако внимание к усилению ее решений и улучшению реализации функций остается ограниченным. Для России приоритет ШОС уступает таким организациям, как Организация Договора о коллективной безопасности и Евразийский экономический союз.

БРИКС, как платформа для продвижения полицентричности и интересов развивающихся стран, также столкнулась с внутренними разногласиями после начала конфликта между Россией и Украиной. Особенно это

касалось позиций таких стран, как Бразилия и Индия, которые заняли позиции, существенно отличающиеся от взглядов России и Китая. Это привело к политическому разделению внутри БРИКС, что ослабило эффективность платформы в решении вопросов глобального экономического управления и коллективной безопасности. Россия, реагируя на санкции, поддерживает создание системы межграницных платежей в рамках БРИКС, ориентированной на безопасность, в то время как другие страны БРИКС подчеркивают важность пути, основанного на развитии, и утверждают, что нельзя полностью отказаться от долларовой расчетной модели. Несмотря на активное продвижение Китая в области экономического сотрудничества и развития многосторонних финансовых механизмов, внутренние разногласия между странами БРИКС снизили влияние организации на мировой арене.

Продолжающаяся нестабильность на Ближнем Востоке создает почву для распространения терроризма, а ухудшение арабо-израильского конфликта усугубляет эту угрозу. Россия и Китай активно продвигают антитеррористическое сотрудничество в рамках ШОС и других многосторонних платформ, однако религиозные противоречия и региональные разделения, вызванные израильско-палестинским конфликтом, ослабляют основы для консенсуса в этом вопросе. В Северо-Восточной Азии ситуация продолжает ухудшаться на фоне растущей напряженности между Северной и Южной Кореей. Частые ракетные испытания со стороны Северной Кореи и совместные военные учения США и Южной Кореи делают безопасность Восточной Азии более уязвимой. Кроме того, механизмы безопасности в регионе крайне чувствительны, а противоречия в интересах различных сторон затрудняют усилия России и Китая

по продвижению мирных инициатив через многосторонние механизмы и сохранению международной безопасности.

В экономической сфере Китай постепенно становится мощным конкурентом на мировом рынке, занимая позицию одного из ведущих экономических игроков. В то же время разрыв в экономическом развитии между Россией и Китаем продолжает расширяться, что в определенной степени ослабляет баланс в их безопасности и сотрудничестве. Различия в экономических структурах двух стран существенно влияют на приоритеты и направления их интересов в области безопасности. Китай ориентирован на обеспечение безопасности глобальных цепочек поставок и долгосрочное развитие высокотехнологичных отраслей, что способствует устойчивому экономическому росту, в то время как Россия уделяет больше внимания безопасности энергетических экспортов и поддержанию традиционной военной обороны.

С увеличением экономического присутствия Китая в Центральной Азии и Восточной Европе возрастает вероятность возникновения конфликтов интересов между Россией и Китаем в этих регионах. Это создаёт определённые ограничения для более тесного сотрудничества в области безопасности и стратегического взаимодействия. В рамках инициативы «Один пояс, один путь» Китай активно развивает экономические связи с государствами Центральной Азии, применяя экономические инструменты для укрепления своего влияния в данном регионе. В то же время Россия через Евразийский экономический союз (ЕАЭС) стремится сохранить свою политическую гегемонию в Центральной Азии. Различия в стратегическом фокусе и интересах двух стран в этих регионах создают трудности в согласовании позиций по вопросам безопасности в таких ключевых точках,

как Центральная Азия, Восточная Европа и Арктика. Это, в свою очередь, усиливает стратегические сомнения и недоразумения между Россией и Китаем.

С ростом двусторонней торговли России и Китая внешняя торговля России всё больше ориентируется на китайский рынок, особенно в сфере энергетических и сырьевых экспортных поставок, где Китай стал важнейшим покупателем. На сегодняшний день Китай является крупнейшим торговым партнером России. Товарооборот Китая с Россией в 2023 году достиг рекордных \$240,11 млрд, увеличившись на 26,3%. Об этом сообщило Главное таможенное управление КНР [13]. В ответ на западные санкции и глобальные торговые трения Россия всё больше зависит от Китая, что помогает снизить экономическое давление, но также вызывает опасения. Особенно на фоне ослабления экономической субъектности Россия опасается, что чрезмерная зависимость от китайского рынка может привести к утрате независимости в ключевых экономических и безопасностных сферах. Это заставляет Россию более осторожно подходить к разработке политики безопасности в отношении Китая.

Китай и Россия имеют определённые различия в интересах в таких регионах, как Центральная Азия, Южная Азия и Восточная Азия, что иногда приводит к столкновению их интересов. В своей деятельности по составлению стратегических планов мироустройства Китай там, где это не противоречит его устремлениям, старается учитывать интересы и позиции России. Но отнюдь не все российские интересы и концепции совпадают с китайскими [14, с. 144].

В Центральной Азии китайские интересы в основном сосредоточены на энергетике, инфраструктурных проектах и расширении рынков. В то время как Россия

традиционно рассматривает Центральную Азию как свою сферу влияния, её стратегические интересы ориентированы на сохранение политического и военного лидерства в регионе. Россия активно развивает двусторонние отношения с государствами Центральной Азии через механизмы, такие как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), оставаясь настроенной относительно расширяющегося влияния Китая.

В Южной Азии различия интересов между Россией и Китаем в первую очередь касаются Индии и её отношений с обеими странами. Сложные отношения между Китаем и Индией, включая пограничные споры, экономические интересы и военную конкуренцию, делают их взаимодействие важным фактором, влияющим на безопасность в этом регионе. Россия же делает акцент на поддержание долгосрочных дружественных отношений с Индией, особенно в военной сфере, так как Индия является важным покупателем российского вооружения и имеет тесные связи с Россией в области обороны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конфликт В условиях сложной международной обстановки и изменчивости безопасности России и Китаю следует активно искать новые модели глобального управления, эффективно использовать региональные механизмы, такие как ООН, ШОС, БРИКС и другие платформы, в которых обе страны играют ключевую роль. Это поможет способствовать созданию более справедливого и сбалансированного международного порядка, предложив «русско-китайское решение». Для этого важно проводить регулярные диалоги на высшем уровне, стратегические консультации по безопасности и экспертные обсуждения,

чтобы создать прозрачные и эффективные механизмы коммуникации, своевременно обмениваться стратегическими потребностями, приоритетно решать общие интересы и уважать основные интересы и безопасности безопасности каждой из сторон, предотвращая недоразумения и конфликты.

Важно также развивать культурный обмен и образовательное сотрудничество, что поможет укрепить взаимное понимание и признание безопасности обеих стран, создавая более прочную общественную основу для дальнейшего сотрудничества в области безопасности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Путин и Си Цзиньпин подписали заявление о всеобъемлющем партнерстве. 21.03.2023. URL: <https://ria.ru/20230321/soglashenie-1859576519.html?ysclid=m3igqb9124911270> (дата обращения: 12.11.2024).
2. Путин и Си Цзиньпин пообщались в формате видеоконференции. ТАСС. 21.01.2025. URL: <https://news.mail.ru/politics/64527376/> (дата обращения: 21.01.2025).
3. Сунь Дэгэн. От следования тенденциям к созданию тенденций: концепция безопасности Китая в отношении Ближнего Востока. *Вестник Фуданьского университета (Социальные науки)*. 2020; 62(05): 179-187.
4. Савин Л.В. Многополярность и внешняя политика России. *Постсоветские исследования*. 2020;1:9-18.
5. Совместного заявления лидеров пяти ядерных держав о предотвращении ядерной войны и недопущении гонки вооружений. 3 января 2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67551> (дата обращения: 12.11.2024).
6. «Мирная миссия-2021»: несём мирную миссию, вместе охраняем корабль дружбы. 26.09.2021. URL: http://www.81.cn/2021zt/2021-09/26/content_10093433.htm (дата обращения: 12.11.2024).
7. «Сила Сибири» компании «Газпром» показала новый рекорд отгрузок в Китай. 29.07.2024. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/07/29/sila-sibiri-kompanii-gazprom-pokazala-novyy-rekord-otgruzok-v-kitay> (дата обращения: 26.01.2025).
8. Заявления для прессы по итогам российско-китайских переговоров. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/74049> (дата обращения: 26.01.2025).
9. Казанская декларация саммита БРИКС. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202410/content_6982689.htm (дата обращения: 12.11.2024).
10. Лавров заявил, что РФ и КНР почти полностью перевели расчеты в нацвалюты. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22028239> (дата обращения: 12.11.2024).
11. Герейханова А. Путин заявил о работе над независимым платежно-расчетным контуром в БРИКС. 26.09.2024. URL: <https://rg.ru/2024/09/26/putin-zaiavil-o-rabote-nad-nezavisimym-platezhno-raschetnym-konturom-v-briks.html?ysclid=m4510ueau3379710279> (дата обращения: 01.12.2024).
12. Пекинское представительство Китайской ассоциации содействия международной торговле. США, ЕС и Великобритания наложили санкции на несколько китайских компаний под предлогом «связей с Россией». 22.02.2024. URL: https://www.ccpitbj.org/web/static/articles/catalog_40fcc0367c729df20181af782c2307f1/article_ff8080818abfb00a018dcf1d89220b65/ff8080818abfb00a018dcf1d89220b65.html (дата обращения: 01.12.2024).

13. В Китае заявили о рекордных объемах торговли с Россией в 2023 году. 12.01.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19713193?ysclid=m3eu7auo4x578950234> (дата обращения: 12.11.2024).
14. Гончаров С.Н. «Судьба человечества» и украинский кризис. *Россия в глобальной политике*. 2024;3:128-145.

REFERENCES

1. Putin and Xi Jinping signed a statement on a comprehensive partnership. 21.03.2023. URL: <https://ria.ru/20230321/soglashenie-1859576519.html?ysclid=m3igqb9124911270> (date of access: 12.11.2024) (In Russ.).
2. Putin and Xi Jinping talked via videoconference. TASS. 21.01.2025. URL: <https://news.mail.ru/politics/64527376/> (date of access: 21.01.2025) (In Russ.).
3. Sun Degang. From Following Trends to Creating Trends: China's Security Concept towards the Middle East. *Bulletin of Fudan University (Social Sciences)*. 2020; 62(05): 179-187 (In Russ.).
4. Savin L.V. Multipolarity and Russia's Foreign Policy. *Post-Soviet Studies*. 2020;1:9-18 (In Russ.).
5. Joint statement of the leaders of the five nuclear powers on preventing a nuclear war and preventing an arms race. January 3, 2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67551> (accessed: 12.11.2024) (In Russ.).
6. «Peace Mission 2021»: we carry out a peaceful mission, together we guard the ship of friendship. September 26, 2021. URL: http://www.81.cn/2021zt/2021-09/26/content_10093433.htm (accessed: 12.11.2024) (In Russ.).
7. Gazprom's Power of Siberia Sets New Shipment Record to China. 29.07.2024. URL: <https://easaily.com/ru/news/2024/07/29/sila-sibiri-kompanii-gazprom-pokazala-novyy-rekord-otgruzok-v-kitay> (accessed on 26.01.2025) (In Russ.).
8. Press statements following Russian-Chinese talks. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/74049> (accessed on 26.01.2025) (In Russ.).
9. Kazan Declaration of the BRICS Summit. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202410/content_6982689.htm (date of access: 12.11.2024) (In Russ.).
10. Lavrov stated that the Russian Federation and the PRC have almost completely transferred settlements to national currencies. URL: <https://tass.ru/ekonomika/22028239> (date of access: 12.11.2024) (In Russ.).
11. Gereikhanova A. Putin announced work on an independent payment and settlement circuit in BRICS. 26.09.2024. URL: <https://rg.ru/2024/09/26/putin-zaiavil-o-rabote-nad-nezavisimym-platezhno-raschetnym-konturom-v-briks.html?ysclid=m4510ueau3379710279> (date of access: 01.12.2024) (In Russ.).
12. Beijing Representative Office of the China Association for the Promotion of International Trade. The US, EU and UK have imposed sanctions on several Chinese companies under the pretext of «ties with Russia». 02.22.2024. URL: https://www.ccpitbj.org/web/static/articles/catalog_40fcc0367c729df20181af782c2307f1/article_ff8080818abfb00a018dcf1d89220b65/ff8080818abfb00a018dcf1d89220b65.html (accessed: 01.12.2024) (In Russ.).
13. China announced record trade volumes with Russia in 2023. 12.01.2024. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19713193?ysclid=m3eu7auo4x578950234> (accessed: 12.11.2024) (In Russ.).
14. Goncharov S.N. «The Fate of Humanity» and the Ukrainian Crisis. *Russia in Global Politics*. 2024;3:128-145(In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чжунянь Цзи

Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия;
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
1042245048@pfur.ru

Олег Е. Гришин

Кандидат политических наук,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия;
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
grishin_oe@pfur.ru

Zhuyan Ji

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Moscow, Rus-
sia; bld. 6, Mikluho-Maklaya str., Moscow,
117198, Russia;
1042245048@pfur.ru

Oleg E. Grishin

PhD in Political Sciences,
Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Moscow,
Russia; bld. 6, Mikluho-Maklaya str., Moscow,
117198, Russia;
grishin_oe@pfur.ru